

Геннадий Мурзин
ИЗВИВЫ СУДЬБЫ

Современный любовный роман

Геннадий Мурзин

**Извивы судьбы. Современный
любовный роман**

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Извивы судьбы. Современный любовный роман / Г. Мурзин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902096-3

Книга «Извивы судьбы» — современный любовный роман, события в котором происходят на излете двадцатого и на заре двадцать первого веков; это были бурные годы. Круглый сирота становится офицером и по воле судьбы впервые оказывается в столице. Там знакомится с коренной москвичкой. Молодые люди друг другу пришлись по душе. Но... Через пару дней расстались. Встретятся ли? Романист Геннадий Мурзин сделал все, чтобы сюжет развивался по всем законам жанра, в котором эмоций хоть отбавляй.

ISBN 978-5-44-902096-3

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Молодечество	11
Глава 2	17
Девчонки	17
Глава 3	26
Кульптоход	26
Глава 4	40
Воркование	40
Глава 5	46
Откровения	46
Глава 6	57
Помолвка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Извивы судьбы Современный любовный роман

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин

Корректор Геннадий Мурзин

Фотограф Марина Туманцева (Мальцева)

Фотограф Сергей Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2018

© Марина Туманцева (Мальцева), фотографии, 2018

© Сергей Мурзин, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-2096-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор Геннадий Иванович Мурзин, известный на Урале литератор и публицист, представляет свой новый любовный роман «ИЗВИВЫ СУДЬБЫ». Фото 2017 года. В основе сюжета – реальные люди и реальные события. Желающие могут высказать замечания и предложения по электронной почте – gim41@mail.ru.

Пролог

Молва идет: в райвоенкомате – залетная птаха; издалека. Кумушки и кумовья, ну, давай, судить-рядить на разные лады: обсуждать, выходит, «варяга», сладострастно сначала перемывать, а потом и обсасывать косточки.

Слухи – самые разные, порой, совершенно невероятные; обрастая деталями, роились, образуя постепенно фантастический шар, который, будто перекаати-поле в степи, крутился по райцентру, переходя от избы к избе, из улицы в улицу, из конторы в контору, из одних уст в другие уста.

Поселок, хоть и считается «городского типа», мал и неказист. Одна и есть достопримечательность: густые серые облака пыли, поднимаемые проходящими с рыком и пыхтением лесовозами. Местные, обитая здесь всю жизнь и не видя ничего иного, попривыкли: чихают да иллют матерки в след большегрузных тягачей.

Важные события? Боже, ну, какие могут быть в этакой-то глухомани события?! Одно и есть занятие: с великой скуки сплетничать. Народу что? Дай лишь повод. Тут же, с появлением «варяга», – настоящее везение: обильная, изрядно приправленная горчичкой, перчиком и острыми соусами, пища для пересудов появилась. Грех, считает народ, не посудачить властью.

По вечерам, управившись по хозяйству (многие скотинушку держат; без нее, ну, – никуда), народ выползает на улицу, устраивается на лавках у крашенных палисадников (городская цивилизация, увы, так и не коснулась своим благодатным крылом этого «поселка городского типа», поэтому здесь не коммунальные дома, а частные избы из здоровенных сосновых бревен, одноэтажные, с надворными постройками под одной с избой крышей, крытой серым шифером, словом, под уральскую старину). Когда соседушки не в настроении и не хотят кучковаться, то сидят порознь: перекликаются и лызгают семечки, сплевывая шелуху под ноги.

– Семеновна, слышь-ка, – это обращается соседка справа к соседке слева, только только вышедшей подышать воздухом, – Пашка твой сёдня, кажись, опять землю рогами буровил?

– Нажрался, гад вонючий, – отвечает соседка. Следует резкий недовольный кивок головы с жиденькими прядями рано поседевших волос, плевков в сторону, злое поджатие потрескавшихся губ, давным-давно не видевших ни помады, ни кремов. Потом добавляет. – Надоел, оканьяный!

– Да-да! Как не надоест, Семеновна, – в голосе соседки неприкрытое сочувствие. – Просто – беда, – соседка встряхивает головой, поправляет цветастую ситцевую косынку, демонстрируя тем самым женскую солидарность.

То ли сочувственный голос, то ли солидарное встряхивание головой Семеновне не понравились, как любит она выражаться, не легли на душу, показались фальшивыми, подначками, поэтому ядовито уколола соседку тем же самым:

– Твой-то тоже, Ивановна, хорош... Видела... Еле ноги волочил, идучи с работы.

– Чистая правда, Семеновна, – непринужденно и охотно соглашается Ивановна. – Жрет, каждый день нажирается... Прорва... И когда только нажрется-то, а?

Семеновна спрашивает:

– Когда уж рак на горушке свистнет, – произносит себе под нос Семеновна. Помолчав с минуту, громко спрашивает. – Не с моим ли твой-то стакнулся?

– А, черт его знает, с кем таскается по пивнушкам, – яростно отвечает Ивановна.

Семеновна тихо всхohотывает.

– Спит, поди, теперь-то уж?

– Да... Дрыхнет в сенках. В дом-то – не смог: порог оказался высоковат, не осилил.

Какое-то время обе молчат, занятые усердным лужаньем семечек. Семеновна, поправив полушалок, сбившийся на плечи, громко, так, что слышит вся улица, спрашивает Ивановну:

– Ты, кажись, опять понесла? Не ошибаюсь, нет? Подзалетела?

– Заметно уже, да?

– Есть маленько, – следует кивок Семеновны. – Четвертый... Не много ли? Может, будет?

– Во мне, что ли, дело?

– Ну, не во мне же...

– Так ведь я... И не хочу, а он – давай да давай... В постель тащит... Строгает и строгает...

– После третьего, – откровенничает Семеновна, – я своему сказала: нет и – точка.

– На что другое, а по этой части мой – мастак. Никакого удержу... Автомат...

Семеновна гнет свое:

– Трех хватит... Завязала... На что нищету-то плодить? Недоумков и без моего участия – хоть пруд пруди.

Ивановна, как бы и не к месту, восклицает:

– Не мужики, а сволочня!

Семеновна отвечает:

– Каторжницы мы, каторжницы.

Соседка, чей дом наискосок, вырядившись в яркое платье в разноцветный горошек и голубой шелковый платок, слушает, поддакивая то одной, то другой. А вот и она решила сказать свое слово.

– Мой Димушка – не такой... Ласковый, внимательный, можно сказать, душевный...

Семеновна ядовито бросает:

– В постели – все ласковы.

Следует возражение:

– Нет-нет... Не только... Димушка всегда... И не пьет, – и тут же уточняет, – почти не пьет... Разве что по праздникам.

Семеновна опять же ядовито поправляет:

– А праздники каждый день.

Соседка, чей дом наискосок, не реагирует на посылаемые ипильки.

– Димушка хозяйственный... Все в доме на нем держится. Куда бы я без него?

Ивановна, поджав губы, цедит. Цедит так, чтобы соседка на этот раз не слышала:

– Сказывай, но кому другому, а не мне... Бабник, каких поискать еще надо. Пройдох... Наши, хоть и жрут не в меру, да по бабам не шастают... Этот же... На работе ни одной не пропустит, всякую норовит в темный угол затащить. Поселковые видят...

Семеновна, будто услышав Ивановну, себе под нос вторит:

– И сразу не скажешь, кто хуже: бабник или алкаш?

Соседка, чей дом наискосок, не услышав в ответ ни слова, продолжает петь свою песню:

– Есть хорошие мужчины... Попадают...

– Повезло, – уже громче, но с прежним ядом, бросает Семеновна и ненавистно сплевывает под ноги шелуху от семечек.

– Что ты сказала, Семеновна? Я не расслышала.

– Счастливая ты, Марковна, говорю.

Марковна быстро-быстро закивала.

– Да-да... Не хочу гневить Бога: дал он мне того, о ком еще в детстве мечтала.

– Типун тебе на язык! – тише прежнего шипит Ивановна. – Сглазишь ведь.

– А, соседушки, слышали? – спрашивает Марковна.

– Об чем? Сорока на хвосте что-нибудь опять принесла? – спрашивает Семеновна, а Ивановна сидит молчком. Кто не знает Марковну? Первейшая сплетница. Ее и спрашивать ни к чему: сама все расскажет, да еще и приврет с три короба.

– Весь поселок говорит...

– Ты – еще не поселок, – бурчит неслышно, себе под нос Ивановна.

– Не слышали, что ли?

Семеновна догадывается.

– Это ты про того... из военкомата? – уточняет Семеновна, а Ивановна сидит молча. Потому что недолюбливает Марковну. За что? Не завидует ли?

– О нем, – отвечает Марковна и спешит выплеснуть свои знания по предмету. – Знакомая... Да вы ее знаете: Клавдия с соседней улицы, которая полумойкой работает в военкомате. Клавдия говорит: товарищ майор – такой обходительный, такой интеллигентный.

Ивановна себе под нос продолжает ядовито цедить:

– Точь-в-точь твой муженек.

Марковна, слава Богу, не слышит и поэтому продолжает:

– Со всеми, рассказывает Клавдия, – на «вы» и с ней, полумойкой, значит. Всем и при всяком случае говорит: пожалуйста, извините, спасибо. Хайло не дерет, не матюгается, как наши.

Ивановна кричит через дорогу:

– Не мужик, а картинка!

– Именно так, именно! – спешит подхватить Марковна. – На службе – ни-ни, ни капли в рот. Не то, что его сослуживцы по военкомату: к концу дня так набузываются, что лыка не вяжут. Клавдия после них каждый вечер сумками стеклотару выносит.

Ивановна прерывает свое затянувшееся молчание. Она спрашивает:

– Что еще говорит твоя Клавдия?

– Много... Разное, – откликается Марковна. – Бабу будто привез... Из Москвы... С одним чемоданом приехали... Будто молодожены... Разведенные они...

Семеновна встрепелась.

– Как «разведенные»?! Я слышала: муж и жена... Не по правилам...

– Э, когда-то... – Марковна шумно вздыхает. – Днями в магазине видела ее. Присмотрелась, ясное дело. Никакого вида. Пигалица. Ни кожи, ни рожи. Что в ней нашел товарищ майор? Ума не приложу. Он-то видный такой, представительный.

Ивановна солидно бросает:

– На вкус и цвет – товарищей нет.

– Любовь зла – полюбишь и козла, – ядовито уточняет Семеновна.

Марковна кивает.

– Верно... Все так, но...

Семеновна высказывает догадку:

– Присушила, поди?

С ней соглашается Ивановна.

– Как пить дать.

Марковна же все свое гнет:

– Клавдия, будто, слышала, что товарищ майор в Москве-то большим человеком был.

Семеновна спешит возразить:

– Мелет Клавдия. Он учился...

– Да, учился. Но учеба бывает разной. Где учился товарищ майор, а?

Семеновна отвечает:

– В академии... пожалуй.

Ивановна авторитетно подытоживает:

– Не в чинах мужик. Наш военком на одну звездочку больше имеет.

Семеновна, кивнув, поддерживает Ивановну:

– И кто ж из Москвы в нашу-то глухомань большого человека зашлет?

– Это – загадка, – соглашается Марковна. – Что-то там было... Не иначе...

– Блядун, скорее всего, несусветный, – выпалила Ивановна, – вот и турнули.

Марковна отрицательно качнула головой.

– Нет-нет! Тут что-то другое.

– Другое? – ехидно переспрашивает Ивановна и отвечает. – Тогда – проворовался.

– Ха-ха-ха, – заливается Марковна. – Шинель на барахолке толкнул, что ли?

– Мало ли, – отвечает Ивановна. – Свинья грязи найдет...

Вот так и судачат люди в поселке.

Я скептически отнесся к слухам. Долгое время не сталкивался с «варягом». Однажды случайно увидел на улице. Идет, гляжу, по дощатому тротуару впереди парочка. Мило идет, склонив друг к другу головы. О чем-то тихо щебечут. Он поддерживает легонько ее под локоток. Он регулярно склоняется к партнерше и легонько касается губами ее щеки. Кто такие? Поведение совершенно непривычное для такого поселения. Когда баба тащит пьянь-мужа, – это да, другое дело, но чтобы по вечерам такой моцион принимать?! Извините! Обогнав, мельком взглянул. Любопытно, знаете ли. Мне – не знакомы. Поздоровался. В провинции все друг с другом здороваются, если даже видятся впервые. Мужчина, кинув в мою сторону взгляд, ответил кивком. Спутница же, поглощенная своим мужчиной, в котором, видимо, был сосредоточен весь ее мир, все ее богатство, никак не прореагировала и продолжала неотрывно смотреть в одну точку, в ту точку, где сосредоточено было все, что ей было близко и дорого. Понятно стало, кто эта парочка.

Сказать, что увиденное меня заинтриговало, – это ничего не сказать.

Случай помог мне увидеть «варяга» поближе и получше разглядеть. Контора, где я работал, подыграла. Не специально, понятно.

Мой начальник прилично играет в шахматы, поэтому вечерами, когда рабочий день заканчивается, подтягиваются звезды поселкового шахматного Олимпа, с которыми шеф сражается на равных. Увы, другого места для встреч нет. Шеф, почти мастер спорта по шахматам, играя со мной, дает фору: уже в начале поединка убирает с доски либо две ладьи, либо ферзя. Но и это меня не спасает от проигрыша. Две беды меня преследуют в игре: во-первых, вечные зевки (шеф всегда милосерден, поэтому щадит, предлагает переходить, но я, упрямясь, гордо отказываюсь); во-вторых, напрочь отсутствует стратегия, следовательно, дальние второго хода не вижу ничего.

Один из вечеров. Присутствую из-за любопытства, в качестве болельщика, разумеется. И появляется новичок, то есть майор из военкомата (кто-то, видимо, подсказал, что в нашей конторе собираются шахматисты и разыгрываются нешуточные баталии).

Присмотрелся к новичку. Мускулист и широк в плечах, выше среднего роста. Скуласт и на подбородке ямочка. Ухожен лицом, то есть гладко, до синевы выбрит. Подтянут. Басист. Бросается в глаза: суховат в общении, говорит лишь по необходимости, о себе – ни слова. Почти не улыбается. Даже тогда, когда полковник от кавалерии (он – в отставке, сам выбрал местом для проживания этот глухой поселок и также заядлый шахматист) начинает рассказывать армейские анекдоты. Слушая, как, громко хохоча, закатывается кавалерист, лишь кривит лицо.

Мой шеф с первого же поединка почувствовал в новичке серьезного соперника. Проигрывая, нервничает. Майор же, вижу, при этом, уступая провинциалу, остается стойко невозмутимым.

Проходит месяц. И я пробую майора разговорить. Отишил тут же. Всего лишь взглядом. Взгляд до такой степени выразителен, что утратил навсегда всякий интерес к сближению. Я подумал: «Высокомерный самолюб».

Ошибся, поспешил с выводами. Выводы не только поспешны, а и несправедливы. Приду к этому лишь годы спустя. Человек, с вечной грустинкой в глазах (впрочем, и это мне могло всего-то лишь тогда показаться), отгородился от мира глухим забором, не оставив даже щелей, чтобы никто не мог заглянуть в его священный внутренний мир, до которого, как ему кажется, никому нет дела. За забор он никого не пустит.

Майор проводит в нашей конторе лишь пару часов и спешит домой. Ему ни с кем не хочется общаться (это видно), но страсть к шахматам, которую (единственную в его жизни) он не в силах удовлетворить дома, принуждает идти на контакт.

Пару раз увидел майора в районном Доме культуры: в зале – не более десятка зрителей и сквозняк. На киносеансе.

Еще раз увидел в местном вокзальном ресторане (он, то есть ресторан, – единственный на весь поселок). Сидит у большого окна, выходящего на перрон, мимо которого проносятся с шумом поезда, поезда на Москву. Перед ним – графинчик с водкой и незатейливый салат. Как понимаю, зашел сюда не на минутку.

Это был единственный раз, когда видел майора за выпивкой и без жены. О чем он думал, разглядывая поезда, уносящие людей в даль, в том числе и в Москву? Сожалел? Вспоминал? Или, может, о чем-то мечтал?

Парочка постепенно примелькалась. Поселковые перестали возбужденно обсуждать поведение «варягов». Свыклись. Стали воспринимать как местную достопримечательность, но не более того. К тому же «варяги» зажили тихо, скромно, не возбуждая любопытства и кривотолков. Не стало интереса. Угас он, как костер, в который не подкладывают регулярно дрова.

Да и местечковая общественность вскоре была взорвана другой сенсацией, куда более зажигательной и привычной для всех. Мужик (видный такой, служащий, из культурной местной элиты; его всякая собака знает в поселке и не облаивает), напился, пришел домой только под утро и стал шарашиться в доме. Супруга его (живут без малого три десятка лет) спросонья загундела: ах, мол, такой-сякой да разэтакий, когда эта жрачка прекратится? Надоела, видать, мужику со своими проповедями. Цыкнул на нее и ногой топнул. А супруга того больше распалилась и давай его крыть последними словами. Мужик – хват, что подвернулось под руку в тот момент, да и запустил в жену. Метательным снарядом послужил чайник, оказавшийся в руке. Чайник, пролетев мимо жены, ударился в сервант, и брызги стекла – во все стороны. Караул, вопит супруга, муж, кричит во всю глотку, убивает. Милиционер тут как тут, протокол составляет, а оскорбленная супруга заявление строчит, чтобы, значит, призвали к порядку мужа-буяна. И неважно, что на потерпевшей стороне ни единой царапины. Важно тут другое: мужик посягнул не просто на зануду-супруженицу свою, а на лицо ответственное в поселке городского типа, на заведующую отделом райкома КПСС. Тут, братцы мои, не хулиганкой, а политикой пахнет. На кого руку поднял мужик? На партию покусилась?! Ну, не совсем на партию, а всего-то на одного из ее активных бойцов, но все равно... Хулиганка с политическим душком.

Новая сенсация затмила старую. Теперь поселковые обсуждают, лишат воли или нет мужика, замахнувшегося на самое святое – на «ум, честь и совесть» эпохи?

И потому, взглядывая на «варягов», принимающих вечерний моцион, кумушки уже не судят, а всего-то завистливо вздыхают в след.

– Остались еще настоящие мужчины в России... Этот в свою бабу чайник не швырнет...

Глава 1

Молодечество

Он был близок к окончанию восьмого класса, когда на семью свалилось несчастье: погиб отец. Погиб, выполняя интернациональный долг. Его эскадрилья базировалась на военном аэродроме под Кандагаром. По нему ударили «духи» из переносного зенитного комплекса американского производства. Ударили на взлете и с близкого расстояния. Так что от самолета и экипажа остались мелкие обгоревшие обломки, перемешанные с песчаной пылью.

Конечно, прибыл на родину «груз-200». Что там, в запаянном наглухо цинковом гробу? Ни он, ни мать не увидели. Назначили смехотворную пенсию за потерю кормильца. Так сказать, в утешение.

Через месяц после похорон пришло письмо от отца: где-то уж слишком долго блудило. Если судить по дате на конверте, отец отправил письмо за день до своей гибели. Письмо, как и все предыдущие, дышало неиссякаемым оптимизмом: писал, что свой «интернациональный долг» он когда-нибудь да выполнит полностью, вернется живым-здоровым. В самом низу была приписка, адресованная сыну: *«Если все-таки (не дай Бог, конечно!) что-то случится, прошу тебя, Алёшенька, об одном: иди в суворовское. Сделай, как прошу, ясно? Хочу видеть тебя офицером... Как я... Как твой дед и прадед».*

И последние слова отца: *«Побереги, пожалуйста, маму».*

Он сберег это письмо. И выполнил предсмертную волю отца: после восьмилетки, собрав все необходимые документы, почти тайком от матери (она противилась, она не хотела сыну той же судьбы, что постигла отца), сдал в канцелярию Свердловского суворовского училища. Вскоре его пригласили на собеседование. Пригласили вместе с матерью. Мать расплакалась. На вопрос заместителя начальника суворовского училища, согласна ли отдать сына на учебу, тяжело вздохнув, сказала:

– Не хочу... Но и противиться не могу... Алёшенька мой не будет мужчиной, если ослушается отца.

Парнишку зачислили без проволочек. Ну, какие там проволочки, если восьмилетку закончил с хорошими отметками, если медицинскую комиссию прошел на «ура»? Ну, ясно: повлиял факт гибели его отца в Афганистане. Мать подулась на него и перестала. Смирилась. Поняла, что сын иначе поступить не мог.

Ровно через год – опять беда: не уберег маму. Уж больно незаметно подкралась болезнь и взяла мать в острые когти. Мать уходила мучительно. Сын узнал, в чем дело: как-то лечащий врач отвел в сторонку суворовца с суровым лицом, чтобы не слышали посторонние, и сообщил: мать – безнадежна, у нее – рак желудка, оперировать уже не имеет смысла.

Он убежал и в больничном саду, под старым тополем, приткнувшись к шербатому стволу, расплакался. Расплакался навзрыд. Ему никто не мог помочь. И утешить мальчишку тоже было некому. Он оказался мужчиной. Матери, страдавшей от нестерпимых болей, так и не показал, что знает ее страшный секрет.

Снова – похороны. Сослуживцы и соседи помогли мать похоронить.

Взвод, в котором числился он, решил взять над ним шефство. Как над круглым сиротой. Начались скрытные поблажки: стали освобождать от дежурств по казарме или от уборки снега на училищном плацу. Парнишка быстро смекнул, в чем дело. И по-взрослому, мрачно нахмурившись, как это делал отец, когда на что-то сердился, заявил всем, что в опеке не нуждается и проживет без покровительства. Он не захотел, чтобы кто-то его видел слабым, то есть слоняем: он – сильный и сможет все.

Учиться стал еще усерднее и теперь получал исключительно пятерки. Никаких нарушений дисциплины или внутреннего распорядка. Быстро повзрослев, стал мужчиной, несущим полную ответственность за себя. Как выдавалась свободная минутка, отправлялся в спортзал или на волейбольную площадку. Он, между прочим, больше всех в роте кидал вверх и ловил гирию-двухпудовку. Он был невысок, но широк и крепок в кости. И вынослив, наверное, из-за своего ослиного упрямства.

И вот пришла пора выпуска из суворовского. Экзамены – позади. Впереди, через неделю – последний парад на училищном плацу. В документе о среднем образовании (знает, хотя и не получил еще; получит – на торжественном построении) – исключительно «отлично». Значит? Карачится золотая медаль.

Май. Солнце уральское неласково, а все-таки пригревает. Черемуха отцветает, покрывая землю под собой беленькой легонькой скатёркой. Зато сирень, набрав огромные бутоны, начинает распускаться, дурманя своим запахом юные души.

Вечер. Отбой. Никому не спится. Хочется озорничать, ведь им всего-то восемнадцать! Через полуоткрытые окна с улицы несутся городские шумы: вот на перекрестных стыках прогрохотал трамвай; вот донеслись тренькания гитары и молодые голоса (суворовцы, не видя, знают: студенты политеха, находящегося неподалеку от суворовского); вот радостно и звонко защелкал-засвистел озорник-скворец (откуда, чертяга? Центр же большого города!).

Тихо скрипнула дверь спальни комнаты. Вихрастые головы, как одна, нырнули под одеяла. Это – старший воспитатель, которого воспитанники боятся гораздо больше, чем самого начальника училища. Старший воспитатель проверяет, все ли воспитанники в кроватях и не сбежал ли кто. Он не входит. Он, обведя суровым взглядом кровати воспитанников, прилежно сопящих носами, тихо прикрывает дверь. Он знает, что не спят и лишь притворяются. Он делает вид, что им удалось обмануть его бдительность. Это его поблажка: мальчишки последние деньки доживают в этих стенах.

Первым высунул свой длинный и острый нос из-под одеяла Славка Смирнягин, кровать которого стоит ближе всех к двери.

– Отбой! – гукнул он. – Опасность миновала!

Заёрзали и на других кроватях.

Олежка Караваев, неженка и единственный сын генерала-командарма второй воздушной, штаб которой дислоцируется в Челябинске, потянулся, сладко и громко зевнул.

– Надоело, – сказал он, не адресуясь ни к кому конкретно.

Приподнявшись на локте и повернув голову в его сторону, Славка Смирнягин спросил:

– Что тебе «надоело»?

– Все надоело... Ать-два!левой-правой! Вся жизнь по команде... Круглые сутки... И до старости?! Ну, нет!

– Не в отца, – вновь гукнул Славка Смирнягин. – Он-то, вон, куда поднялся!

– Не в отца, – подтвердил, согласившись с ним, Олежка Караваев. – Я – в мать пошел...

Мы с матерью всё уже решили...

Смирнягин спросил:

– И отец не знает?

– Не знает...

– Узнает – врежет, – бросил со своего места Колька Юрин, – и будет прав.

Караваев крутнул по подушке головой.

– Ну, да! Так и дался... Я – взрослый.

Колька Юрин захохотал.

– Вздует по-взрослому, – бросает он.

– Не посмеет... Да и мать не даст... Заступится.

Все знают, что Олежку мать нещадно балует. Навешая постоянно, сует что-нибудь сладенькое и без денег на карманные расходы не оставляет. Деньги Олежка тратит по-разному: иногда подружку-школьницу водит в театр музыкальной комедии, но чаще – на сигареты или даже на вино. Балуются и в роте все знают, но не докладывают командиру роты, поэтому увлечения суворовца неизвестны училищному командованию. Не попался – значит, все в порядке.

– Что еще вы с матерью надумали? – спросил Алёшка Осинцев, молчавший все это время и думавший о чем-то своем.

– Скажу, но – молчок, ни слова никому.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Колька Юрин. – Ты первым и растретишь всем... Трепло!

Юрин недолюбливает Олежку. Возможно, завидует, что у того отец генерал и командарм, который всюду протопит сыночку дорогу.

Олежка не обиделся.

– Не нужна мне служба...

– Зачем перся в суворовское и занял чужое место? – все также грубо спросил Колька Юрин.

– Алёшка Осинцев заметил:

– Приказ отца – закон для сына.

Караваев обрадовался поддержке.

– Вот именно! Сказал: армия из оболтуса человека сделает.

– Куда наострил лыжи? – спросил Алёшка.

– В универ... На исторический факультет, – ответил Олежка Караваев.

Юрин снова съязвил:

– Армия ничего не потеряет, а историческая наука вряд ли что-либо стоящее поймееет.

Олежка вдруг озлился.

– Чего цепляешься? Дорогу, да, перешел? Недоумок!

– Не ссорьтесь, мужики, – по-взрослому сказал Алёшка Осинцев, примиряя стороны. –

Личное дело каждого, какую дорожку он выбирает.

Юрин уже гораздо спокойнее проворчал в ответ:

– Чужое место занимал.

– А я пойду в высшее танковое училище, – Алёшка Осинцев потянулся сладко, так, что под крепко сколоченным телом заныла казенная кровать. – Уже решил, – он повернулся в сторону Юрина, – а ты, Коль?

– Я бы тоже, но... Конкурс почему-то слишком уж. Тебе, Лёха, проще: медалист, пойдешь вне конкурса.

Алёшка заскромничал.

– Ну... Еще не точно...

– Кончай, Лёх! Все в суворовском знают.

– Слухи лишь, – пробурчал в подушку Алексей.

Славка Смирнягин коротко и хрипло хохотнул.

– Ха! Лёшке – само то... Траки таскать... Кулаки – пудовые, бицепсы – дубовые, а мозги – хиповые.

Мальчишки заржали. Алёшка спросил:

– А ты, Славка, приглядел ли?

– В Оренбургское... летное... Медицина, вроде, пропускает. Значит, по здоровью подхожу.

– А по знаниям? – кольнул Алексей.

Славка Смирнягин не обиделся.

– Подтянусь... Особенно по математике.

Алексей Осинцев, просунув руку между металлическими прутьями в изголовье, стал щекотать шею соседа.

– Ванюшка, а ты чего в молчанку играешь?

– Об чем говорить-то? Вы же сами сказали только что: приказ отца – закон для сына...

Ну, и исполняю...

– Это как?

– В кремлевские курсанты подаюсь.

Их здесь пятеро. И лишь один, Олежка (тот, на кого бы и никто сроду не подумал), уходит на гражданку. По крайней мере, метит.

Медалист Алексей Осинцев, в самом деле, был зачислен без экзаменов в Свердловское высшее военное училище имени Маршала Брежнева, ставшее так именоваться совсем недавно. Все четыре года у курсанта прошли без проблем – ни сучка, ни задоринки. Уже через год был командиром отделения и стал отличником боевой и политической подготовки.

Будущие танкисты, а среди них не мог не быть Алексей Осинцев, сдружились с будущими учителями, а пока что с юными студентками пединститута. Друг к другу в гости, то есть на праздничные балы (командование поощряло и поддерживало, полагая, что курсанты там обретут боевых подруг, так сказать, тыловое обеспечение), хаживали. Алексей, чья мускулатура, выпирая наружу и бросаясь в девичьи глаза, играла при каждом движении, хоть и не самый высокий в курсантской роте, не считался обойденным женским вниманием. Заводил охотно дружбу. То с одной, то с другой, не зная, на ком остановиться, чтобы всерьез и надолго. Всё что-то не сходилось у него. Не по сердцу, видать, были. Потанцевать, в киношку сбегать, поболтать, пообжиматься – это да, но не более того. Девчонки (поголовно) обожали, кстати, с ним танцевать. Отменным был он партнером, вел в вальсе легко и изящно; в его крепких руках партнёрши, замирая от наслаждения, летали, как пушинки. А вот серьезности в отношениях не допускал. Наверное, был еще не готов. Считал, что пока преждевременно: была бы шея, а она у курсанта – будь здоров, «хомут» же, в виде любимого легкого и изящного ожерелья, обязательно найдется.

Курсант Алексей Осинцев ко всему подходил серьезно, а к строительству будущей семьи – тем более. Он верил в большую и чистую любовь и ее, считал он, судьба ему непременно подарит. Подарит ту, единственную, с которой он проживет всю жизнь и скончается на ее теплых и ласковых руках...

И вновь весна. Всё то же буйное цветение на улицах уральской столицы диких яблонь, черемухи и сирени. Запахи смешиваются в один букет и становятся нестерпимо терпкими, волнующими, бодрящими.

И опять выпуск, но теперь уже – в самостоятельную жизнь, в жизнь взрослых. Алексей получил из рук начальника училища новенькие, отливающие на солнце золотом, лейтенантские погоны и красный диплом. Вечером гульнули, конечно. Прилично гульнули вчерашние курсанты, по-гусарски.

Алексей впервые попробовал водочку (новоиспеченные офицеры сознательно отказались от коньяка, полагая, что сей напиток – для дам и неженков, а не для настоящих мужчин, коими, конечно же, все себя считали) и, возможно, поэтому следующее утро оказалось непривычно тяжким: голова его трещала и гудела, будто большой церковный колокол.

Через три дня Алексей отправляется по месту службы. Отправляется далеко. Командование предлагало остаться в училище, в должности командира курсантской роты. Ответил отказом. Выбрал дело, как он посчитал, более ответственное – службу в строевой части. Начальник училища отнесся с пониманием, а потому своему любимцу и тут пошел навстречу: посоветовал служить в танковой дивизии, расположенной на окраинах Свердловска. И опять Алёшка наотрез отказался. Неудобно чувствовал себя (уж больно уважал он начальника училища, который, как и его отец, выполнял тот самый «интернациональный долг»), отказался.

Алексей выбрал Приморье. Выбрал танковую часть, дислоцированную неподалеку от государственной границы, в таежной глуши.

В казарме – их несколько человек осталось: это те, кому некуда податься. Другие, получив краткосрочный отпуск, разъехались по домам, под теплые бока родительские.

В казарме – непривычно тихо. Алексей, позавтракав (впервые шел в столовую не строем), вернулся к себе. Осмотрев обмундирование, в котором он вчера обмывал диплом, недовольно поморщился: непорядок заметил, пятнышко на боку кителя. Смочив носовой платок тройным одеколоном, а другого никто ему не припас, стал жестоко и с натугой оттирать. Пятно поддавалось, однако слишком медленно. И все же он одолел. Потом прошелся щеткой по брюкам, почистил армейские туфли, состирнул носки и повесил сушиться.

Подошел к окну. Окно выходит на плац. На нем – пустынно. Лишь ветер гоняет невесть откуда прилетевший пластиковый пакет. О чем думает Алексей? А ни о чем. Мысли какие-то путанные. Даже не мысли, а их обрывки. Ершисто и бессмысленно цепляются друг за друга. То вспомнился отец, убывающий в последнюю заграничную командировку и обнимающий крепко сына. Невольно, но по-шаловному мелькнуло: «Увидев красный диплом, порадовался бы...» То мать, грустную и печальную, провожающую его на восток, трижды осеняющую, благословляя на службу, крестом. Подумал: «Уж она-то бы гордилась...».

За спиной скрипнула дверь. Он обернулся. В дверях – курсант-первогодок, салага.

– Товарищ лейтенант!.. Вас срочно... Начальник училища вызывает.

– Сейчас буду, – сказал Алексей и стал спешно одеваться.

Проверив, как на нем сидит форма, глянул в зеркало и сказал, хмыкнув, сам себе:

– А ты, браток, смотришься...

Алексей вошел в приемную начальника училища. Огляделся. И увидел сидящего у стола лейтенанта Соловьева, артиллериста. Кивнули друг другу. Алексей, скосив глаза на плотно закрытую дверь начальника училища, спросил Соловьева:

– Туда же?

– Так точно... Срочно вызвали... Из дома, – родители Соловьева живут в Свердловске, – машину прислали.

– Не знаешь, зачем?

– Никак нет... А ты?

– Ни одной догадки, – ответил Алексей и поморщился, потому что в голове, у виска стрельнули отголоски вчерашней попойки.

Из кабинета вышел майор Щербаков, начальник канцелярии. Осмотрев придирчиво внешний вид вчерашних курсантов, бросил:

– Прошу, – рукой указал на дверь кабинета, – генерал ждет.

Они вошли. И с порога, как положено, четко отработовали о своем прибытии. Они застыли в ожидании последствий.

Генерал-майор Красников смотрел на молоденьких офицеров из-под тяжело нависших на глаза густых смоляных бровей, как всегда, строго. Генерал хмыкнул: похоже, осмотром остался доволен. Показав отрывистым жестом на два стула, стоявших у огромного старинного письменного стола, бросил:

– Присаживайтесь, товарищи офицеры.

Казалось, чего им бояться? Нет причины. Однако ж, поджилки-то все равно подрагивают. По привычке. Принято как-то было страшно бояться начальника училища. Может, из-за его вечной суровости и придирчивости? Курсанты четко знали: любая встреча с генералом не сулит им ничего хорошего.

Красников молча с минуту изучал офицеров. Они ёжились под его взглядом. Потом генерал отрывисто заговорил:

– Принял решение... Направляю в Москву, – офицеры, пожав плечами, переглянулись. – В Кремль... На традиционный прием выпускников военных училищ... Вас – двое... Ясно?

Офицеры вскочили. И гаркнули:

– Так точно, товарищ генерал.

По чести-то говоря, им ничего не ясно. Однако, усвоив, что с лишними вопросами в армии лучше не соваться, не стали что-либо уточнять. Они знают, что за них все решат другие, те, кому это положено, в том числе сообщат в часть о причине задержки их прибытия к месту службы.

– Вот и хорошо... Остальное – с майором Щербаковым.

– Разрешите идти? – вновь одновременно гаркнули офицеры.

– Да, – ответил Красников и махнул рукой. – Ведите себя там, как положено уральцам, понятно?

– Так точно, товарищ генерал!

– Не опозорьте честь училища...

Козырнув, офицеры вышли. В приемной их поджидал майор Щербаков, в руках у которого были готовые проездные документы и командировочные удостоверения.

– Деньги – в финчасти, – сказал он. – Форма – парадная, ясно?

– Так точно, товарищ майор!

Утро следующего дня. Офицеры – на первой платформе железнодорожного вокзала. Подали состав фирменного поезда «Урал». Вот восьмой вагон. Пожилая, но ухоженная проводница, проверяя проездные документы офицеров, заметила:

– Как с картинки...

Офицеры не без удовольствия хмыкнули. Офицеры поднялись в вагон. Удивились: вагон – «СВ», купе двухместные. Ковры мягкие кругом, зеркала, накрахмаленные шторы и салфетки – шик, блеск, красота!

Через двадцать пять часов скорого пути Осинцев и Соловьев были на перроне столичного вокзала.

Глава 2

Девчонки

Они вышли с территории Кремля через Боровицкие ворота, оставив слева царь-колокол с огромным осколком от него и царь-пушку, возле которых крутились туристы, фасад Кремлевского Дворца съездов. Прошли мимо памятников. Потому что утром были и даже сфотографировались. Повосхищались русскими мастерами-умельцами, сделавшими эти махины.

Они – это лейтенанты Осинцев и Соловьев. Прежде-то шапочно были знакомы, а теперь, сначала в поезде, а потом и в Москве, сошлись близко, стали общаться накоротке, по-приятельски. Поначалу Соловьев, правда, в общении избрал покровительственный тон, менторский (как-никак из семьи, глава которой служит в политуправлении Уральского военного округа и в дружеских отношениях с самим членом военного совета), однако уже на второй день, забыв про высокомерие, сменил тональность общения. То, что парень без роду и племени, сирота, не аргумент, чтобы перед ним важничать; простоват уж очень и наивен, но это, по мнению Соловьева, пройдет со временем. Сейчас оба под впечатлением от приема в Кремле. Оно понятно: где еще столько прославленных людей увидишь – генералов и маршалов? А Верховный Главнокомандующий? В телевизоре видели. Оба сошлись на том, что Верховный в телевизоре глядится лучше. Да, тоже в разговоре пришепётывает и клацает вставными челюстями, но все-таки не выглядит такой развалиной. На самом-то деле... По паркету шаркает, еле волоча ноги. Заговаривается. Осинцев, поразившись, наклонился к уху Соловьева и прошептал:

– Шел бы на пенсию, если сил уже нету. Зачем, скажи, так себя мучить?

Соловьев, услышав это, даже в лице изменился. Поозиравшись, убедившись, что, кажется, соседи не слышали крамолу, приложив палец к губам, ответно прошептал:

– Тише... Как можно такое вслух говорить? А услышит кто?..

– Подумаешь, – легкомысленно заметил Осинцев. – Я же правду сказал. И сочувственно.

К тому же партия учит нас правдивости...

Соловьев передразнил:

– Учит, учит... Мало ли чему учит тебя партия.

– Как это?

Соловьев раздраженно махнул рукой.

– Отстань... Потом... В номере... С глазу на глаз...

Новоиспеченные лейтенанты живут в двухместном номере гостиницы «Украина», на двадцать втором этаже. Окно выходит на Москва-реку, на широченный мост через нее и на здание «СЭВ», полуоткрытого лепестки-створки. Слева, вдали видна еще одна сталинская высотка – здание МИДа.

Осинцев впервые купается в такой роскоши. Чего стоит мягкая и широченная кровать (не видел он никогда такой), на которой может одновременно уместиться солдатский полу-взвод. Кругом всё блестит и сияет чистотой, везде – душисто. Даже в туалетной комнате. Нет, в казарменном туалете училища также опрятно (есть кому выдраить) и все-таки не такая свежесть. Долго он стоял между двух унитазов и качал в недоумении головой. Это, казалось Осинцеву, – откровенное излишество. Поделится мыслью с Соловьевым. Тот в ответ расхохотался.

– Деревенщина!

Осинцев сначала хотел серьезно обидеться (ну, разве он «деревенщина; он – офицер Советской армии»), к тому же из Свердловска, однако передумал.

– Не обзывайся, – только и сказал он.

– Извини, Лёх... – и решил объяснить, – второй, который пониже, – не унитаз. Не вздумай нужду свою туда справить.

– Нельзя, да? Тогда – для чего поставлен? Если, как ты считаешь, не унитаз, то что?

– Это – биде.

– «Биде»? – переспросил Осинцев и настороженно посмотрел на товарища. – Объясни, что значит «биде»?

Соловьев снисходительно стал втолковывать:

– Для начала: в конце слова не «э», а «е».

– Ну и что с того, а?

– А то! Это есть гигиеническое приспособление для женщин.

Осинцев недоверчиво хмыкнул.

– Да? Лишь для женщин? Почему только для них?

– Им – нужнее.

Осинцев снова хмыкнул.

– Что женщины в этом биде делают?

Соловьев вновь расхохотался.

– Подмываются!

– А-а-а... Задницу, что ли, моют?

– Нет, – Соловьев продолжает прыскать, пытается сдерживать смех, но не может, – самую интимную часть. Чтобы была всегда чистой.

– А-а-а... Понял... А в тазике нельзя? Или в той же ванной?

– Им так удобнее, – снисходительно пояснил Соловьев. – Гляди, – он взялся за объяснение механизма действия устройства «деревенщине», – женщина садится, – он нажал сбоку какой-то рычажок, – и снизу вверх (как в душе, только там струи льются сверху вниз) под углом устремляются водяные фонтанчики.

Осинцев качает головой и продолжает хмыкать, осматривая со всех сторон биде. Потом спрашивает:

– Откуда все знаешь, Никит?

– Вот, знаю...

– У тебя, что, дома есть это чудо?

– А как же! Есть. Без биде, – продолжая важничать, заметил он, – не обходится ни одна приличная семья. Важное средство женской гигиены.

– Еще чего!.. Намечаешь, что я не из «приличной семьи», да?

– Я этого не говорю.

Осинцев сердито хмурится.

– Как это не говоришь?! У нас, к примеру, этим биде и не пахло. Да и, я уверен, оно даже не у каждого москвича имеется.

– У приличных...

Осинцев прервал.

– Опять?

– Извини, Лех, – Соловьев поспешил поправиться, – у зажиточных обязательно есть биде.

– У зажиточных, да, может быть, – Осинцев согласно кивнул, – но зажиточных в Советском Союзе не так уж и много. Миллионы – ютятся в бараках. Ты не жила в бараках, нет? А я знаю, что это такое. В бараке – не до биде. В бараке – все «удобства» на улице, в «скворечнике» с «очком». Скажи им про биде и они, как и я сейчас, будут глядеть, как бараны на новые ворота.

Это было позавчера, когда они обживали элитный гостиничный номер. А сегодня...

Сейчас идут вдоль Александровского сада, огибают Исторический музей и выходят на брусчатку Красной площади. Длинная цепь людей тянется к мавзолею вождя мирового пролетариата.

Осинцев предлагает:

– Сходим, а?

– Да, ну! – Соловьев машет рукой. – Поздно... Запись, пожалуй, уже прекращена, – он посмотрел на наручные часы. – Гляди, который уже час. В другой раз.

– Ты был, да? – спросил Осинцев.

– Был, Лёх. А ты?

– Я ж, Никит, говорил, что в Москве впервые.

Соловьев предлагает:

– Лучше, давай, прошвырнемся по улицам. Погуляем пешочком. Погода, гляди, как хороша.

Осинцеву, ясное дело, хочется побывать в мавзолее и глянуть на вождя, однако крыть ему нечем, поэтому легко соглашается.

Они подходят к памятнику мещанину Минину и князю Пожарскому, освободителям Москвы от польских захватчиков. Стоят молча с минуту. Потом, оглябая со всех сторон, разглядывают собор Василия Блаженного. Впечатляет. Осинцев ахает от восхищения тем, какое чудо сотворили когда-то простые русские мастера.

– Двинем, – предлагает Соловьев, – по Тверской?

– Ты про улицу Горького? – на всякий случай уточняет Осинцев. Он читал, что улица Горького до революции называлась Тверской.

Соловьев кивает.

– Про нее. На Тверской попадаются классные девчонки.

– Ты, я вижу, в столице частый гость, – Осинцев вздохнул, вспоминая свои детство и юность, прошедшие в казармах.

– Первый раз был, когда учился в седьмом. От школы на экскурсию ездили. Ну и пяток раз потом.

Они идут медленно. Наслаждаются видами Москвы. Москвичи, особенно москвички, провожают их долгими взглядами. А как же! Офицеры-то – не по-столичному крепки и при полном параде. Мундиры – с иголки: пригнаны так, что ни одной морщинки-складочки; сверкают на солнце золотым шитьем. Обласканы офицеры вниманием, в нем купаются.

– Чувствуешь, да? – спрашивает Соловьев, кивая на прохожих.

Осинцев не понял.

– Что именно?

– Видишь, как бабы-то плятятся?

Осинцев иронично замечает:

– Еще бы! Вон, какой молодец!..

– Ты про меня?

– Ну, не про себя же. Куда уж мне?!

– Ты, Лех, тоже ничего... Внешне... Интеллигентности бы тебе чуть-чуть.

– Обойдусь, может быть, и тем, что имею.

Справа – Елисеевский гастроном. Соловьев кивает в ту сторону и предлагает:

– Зайдем? Там – продавщицы... Как с обложки модного журнала – длинноногие и смазливые.

– Не люблю, – признается Осинцев, – впустую шляться по магазинам. Все равно ведь не купишь ничего.

– Не куплю, – соглашается Соловьев, – но зато посмотрю... Есть на что посмотреть. Есть чем глаз порадовать. Бывать, между прочим, в этом гастрономе – престижно.

– Почему? – удивляется Осинцев.

– Ассортимент богаче.

– «Ассортимент» чего, – спрашивает, улыбаясь, Осинцев, – продавщиц или товаров?

– Подколол... Молодец... Тонко, – Соловьев смеется.

Осинцев уже всерьез замечает:

– В любом московском гастрономе выбор, дай Бог, нам, свердловчанам. Колбас несколько сортов и свободно – «Останкинская», «Столичная», «Краковская». От одного запаха голову кружит.

– Мамаша у меня, – в голосе Соловьева вновь появляются хвастливые нотки, – в «Воен-торге» отоваривается. Иногда дают ей кое-какие деликатесы.

– Вам – дают, – Осинцев умышленно нажимает на слове «дают», – а тысячи других толкуются в очередях по пять-шесть часов (очереди у нас такие же, как в мавзолее у москвичей), чтобы купить палку «Молочной» с подозрительным запахом и цветом.

Соловьев уводит разговор в сторону.

– Знаешь, – он наклоняется в сторону Осинцева, оглянувшись по сторонам, полусшепотом говорит, – в Елисеевском ошивается Галинка, дочка Верховного.

Осинцев пожал недовольно плечами.

– Брехня! Семье Верховного нет нужды шляться по магазинам.

– Не скажи: чем больше имеешь, тем больше хочется.

– Тут ты прав: аппетит приходит во время еды.

Соловьев настойчиво повторил:

– Насчет Галинки – не брехня.

Осинцев скривил губы.

– Откуда знать-то тебе?

– Слышал.

– От кого, интересно знать?

– Ну, – Соловьев опасливо покосился на товарища, – батя рассказывал, будто Москва слухами полнится, – и объяснил. – У него хороший друг в ГлавПУРе.

– И что же говорит друг твоего отца?

– Разное... – Соловьев замялся. – Галинка, будто бы, – отцова любимица. Потакает во всем.

– Избалованная, значит?

– Донельзя, Лёх. Мужиков, будто бы, имеет числом немереным: хочет – с циркачом спит, хочет – с писателем, музыкантом или военным.

Осинцев мрачно резюмирует:

– С хлюстами водится... Понятно...

Соловьев шумно вздыхает.

– Я бы не прочь стать одним из «хлюстов» дочери Верховного.

– Зачем, Никит?

– Дурацкий вопрос, Лёх.

– Почему «дурацкий»? Обычный вопрос.

– Не притворяйся. Не поверю, что не понимаешь.

– Не понимаю, – искренне признался Осинцев.

– Какие, приятель, горизонты открываются?!

– А-а-а, ты вот о чем...

Соловьев рассмеялся:

– Догадлив ты, однако ж.

– Никит, а ты карьерист.

– А что плохого?

– Нет, ничего, если карьера строится не через постель, а через плацы, полигоны, учения и боевые действия.

– Всякая карьера – хороша; выбирай на вкус.

– Кому ведь как, – неопределенно сказал Осинцев и поморщился.
– Слышь: говорят, что у Галины новый муж.
– И кто теперь утешает дочку Верховного?
– Не знаешь?
– Не интересуюсь специально сплетнями, слухам же – не доверяю.
– Вот – напрасно, – Соловьев хихикнул. – Бывший прапорщик внутренних войск... Был прапорщиком, сегодня – генерал-лейтенант, зам у самого Щелокова. А ты – постель, постель... Дай Бог, всякому такую-то постель.

Осинцев фыркнул.

– Мне – не надо.

Соловьев недоверчиво посмотрел в его сторону.

– Слова... А случай подвернется – не упустить.

– Без любви? В постель по расчету?!

– Почему бы и нет?

– Откуда набрался всей этой философии? Сын политработника и... Должен быть политически грамотным и идейно стойким, а ты...

Осинцев осёкся. Потому что увидел, как передернул плечами Соловьев.

– Оставим батю в стороне, ладно? Я ведь не трогаю твоего...

– А если бы и тронул? Мне не стыдно за отца: боевой летчик погиб от рук «духов».

– А мне... стыдно, да? Каждый служит там, куда послала родина.

Осинцев посмотрел на Соловьева искоса и надолго замолчал.

Елисеевский остался позади. Офицеры вышли на Пушкинскую площадь: слева издательство «Известия», а справа – памятник поэту.

Соловьев первым закончил затянувшуюся игру в молчанку.

– Здесь, будто бы, собираются избранные...

– Не понял?

– Место встречи влюбленной московской богемы, – разглядывая памятник, ответил Соловьев.

– Правда ли? Или опять всего лишь слух?

– Есть возможность или опровергнуть, или подтвердить.

– Это как?

– Чудак! – Соловьев рассмеялся, позабыв про пробежавшую между ними черную кошку. – А вот, – Соловьев легонько кивнул в сторону, – гляди, какие девчонки? Их двое... Как раз...

– И что?

– А то! Если не ошибаюсь, мы понравились девчонкам. Гляди, как зырят и перешептываются?

– Явное преувеличение.

– Да, нет, ты только глянь! Глаз не спускают.

Осинцев сказал:

– Думаю, что москвички, а не приезжие.

– Тем более!

– Нужны мы им... У москвичек таких, как мы, – вагон и маленькая тележка.

– Нехороший ты, Лех, человек.

– Почему?

– Сомнений в тебе выше головы. И к тому же унижаешь провинцию. Настоящие женихи, считают москвички, живут в провинции. И потому сразу западают.

– А москвичи, чем нехороши?

– Гнилье – не люди.

– Не говори плохо, если не знаешь.

– Я?! Не знаю? Волосатики! Хиляки! Плевком – перешибешь.

– Самоуверенности в тебе – о-го-го!

– Давай, а, подойдем? Вдруг отколетя и познакомимся? Будет, что вспомнить.

Осинцев тоже скосил глаз в сторону девчонок.

– Ничего... Приличные... Особенно та, которая стоит, облокотившись о капот «Волги»... Обожаю блондинок.

– Отлично! – воскликнул Соловьев. Его эмоции выплескиваются через край. – Твоя – блондинка, моя – брюнетка. Идет, а?

– Ну... не знаю... Удобно ли приставать на улице?

– Только не комплексуй. Все будет отлично!

– Да? Уж такой ты скорый... Не говори «гоп», покуда не перепрыгнешь.

– Мы их снимем. Легко.

– Уверенность, плавно перетекающая в самоуверенность.

– Давай, хоть попытаемся?

Не устоял Осинцев и сдался под таким напором. Сдался нехотя. Он не верил, что может что-то выгореть.

– Ну, хорошо...

И офицеры, хорошо поставленным шагом, направились в сторону девчонок.

– Позвольте...

Блондинка тотчас же оборвала Соловьева, а у Осинцева ревниво защемило что-то внутри: ему показалось, что блондинка смотрит на Соловьева как-то не так.

– Откуда такие щеголи? – она зажмурилась. – Ослепнуть можно от такого-то блеска.

Брюнетка залилась смехом.

Осинцев смутился, покраснев, отвел взгляд в сторону. Соловьев, наоборот, осмелел. Нахальничая, сказал:

– Мы – из провинции...

Брюнетка, хохоча, спросила:

– Из тамбовской или рязанской? Впрочем, – она окинула офицеров жгучим взглядом, – чего это спрашиваю? И без того видно: провинциал – он и в Африке провинциал.

Соловьев ответил, ничуть не смутившись, важно и с достоинством:

– Мы – из Свердловска, – Соловьев ответно улыбнулся девчонкам. А уральцам, – он прицелкнул пальцами, – всё нипочём... Даже столица.

– Ах, вот как? – веселясь, откликнулась блондинка. – Оно, да: Свердловск – не Рязань.

Соловьев решил блеснуть эрудицией.

– Между прочим, опорный край державы...

Брюнетка подхватила:

– Её добытчик и кузнец.

– Да... А что? Не так? – Соловьев, насупившись, притворился обиженным. – На уральцев можно положиться. Не мы ли пришли москвичам на помощь, когда в сорок первом слишком горячо стало? Пришли, своей могучей грудью встали и стояли на смерть.

Блондинка поспешила уточнить:

– Не вы, а ваши отцы

– А что? Мы хуже отцов наших? – Соловьев картинно повернулся. – Разрешите представиться: Никита... Соловьев...

Блондинка, встряхнув длинными густыми волосами, спросила:

– Товарищ ваш, что? Безъязыкий? Молчит и, краснея, все в сторону смотрит. Он, что, такой скромник или прикидывается?

Осинцев, понимая, что ведет себя не слишком-то дружески, продолжая не глядеть на девушек, выдавил из себя:

– Осинцев... Алексей...

Блондинка прыснула и отвернулась.

– Алексей-Алешенька, выходит?

– Почему смеетесь? Почему отворачиваетесь? – Осинцев явно обижен. – Если не нравлюсь, то...

– Наоборот, – смело глядя в глаза Осинцеву, сказала блондинка. – Слишком... Трудно глядеть на таких... Больно ярко...

– Шутите? – спросил серьезно Осинцев.

– Ничуть! Ведь правда: трудно глазам от такого блеска.

Соловьев хвастливо заметил:

– Из Кремля... На приеме были... Только что оттуда

– Заливает, – переходя сразу на «ты», сказала брюнетка. – Хвастун, как погляжу.

Осинцев поспешил заступиться за товарища.

– На этот раз говорит правду.

– Так и поверила, – блондинка фыркнула.

Осинцев все также обидчиво (ему не нравится, что не верят) сказал:

– Верить или нет – ваше право.

Соловьев, уловив, что знакомство затягивается, опасаясь, что разговор уходит в другую сторону, сказал:

– Мы – представились. А вы?... И вам теперь не грех назвать свои имена.

– А надо? – спросила брюнетка, посверкивая глазами.

– Долг вежливости, – заметил Соловьев и даже галантно слегка поклонился.

– Ну, если «долг», – брюнетка опять рассмеялась, – я – Ирина, а подруга – Вера. Студентки. Из Гнесинки.

– Боже мой, какое счастье лицезреть будущих великих музакантов-композиторов!

Вера, блондинка, не осталась в долгу.

– Точно также, как и вы – будущие полководцы.

Соловьев послал девушкам свою улыбку.

– Почему нет? Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл.

– Ну, – Ирина опять рассмеялась, – тебе сия участь не грозит.

Соловьев тоже обиделся.

– Это еще почему?

– Болтлив больно... А из товарища выйдет толк.

Осинцев, покачив головой, заметил:

– Нехорошо сталкивать лбами друзей.

– Лех, я не в обиде. Пусть... Я согласен отказаться от маршальских погон, если меня приласкает такая девушка, как Ирина.

– Сразу и «приласкает»? Не гони! Чтобы приласкали, надо прежде понравиться.

Соловьев изобразил на лице искреннее удивление.

– Неужто не понравился? Однако моя интуиция...

– Ну... Пока, если честно, не очень, – призналась Ирина и рассмеялась. – Да... Про Кремль не врите? Нет?

Даже Соловьева прошибло подобное недоверие.

– Ну, знаете ли... Слово же офицера, – он полез в портфель, порылся внутри, достал и протянул девушкам большую фотографию. – Сами смотрите... Вот, – он ткнул пальцем в Осинцева, стоящего рядом с Верховным, мой товарищ, так сказать, сличите. А во втором ряду – я, крайний справа. Не рядом с Верховным, а все равно приятно.

– Сколько хорошеньких женихов! – разглядывая внимательно фотографию, воскликнула Вера.

Соловьев щелкнул каблуками туфель.

– Двое из них – перед вами, девочки. И, между прочим, не худшие. Извольте любить и жаловать.

Ирина спросила:

– За что честь?

– По нам не видно, да?

– Блеску много, а что внутри? – многозначительно спросила Вера.

Хотел что-то сказать Осинцев, но его опять-таки опередил Соловьев.

– Он, – Соловьев кивнул в сторону Осинцева, – золотой медалист, отличник боевой и политической подготовки...

– А ты? – перебив, спросила Ирина.

– Ну... Тоже... Не медалист, однако, если направлен на прием в Кремль, не самый худший выпускник нашего военного училища.

– Богатыри, – протянула Ирина. – Не жизнь, а сказка: тут тебе Никита, тут тебе и Алеша. Не хватает для полноты картины Васнецова Ильи Муромца. Где вы его-то оставили?

Вера откинулась на капот «Волги». Подол легонького сарафанчика взлетел вверх, обнажив на секунду еще больше стройные ноги. Осинцев увидел и от волнения облизал вмиг пересохшие губы. Он подумал: «Хороша! Куда как красивее пединституток!»

Соловьев, показывая своим видом, что большой знаток, осмотрел сверкающую черным лаком «Волгу» и прищёлкнул пальцами.

– Отличная тачка... Чья будет?

Ирина поспешила с ответом.

– Отца... – и лишь после паузы уточнила, – Верочки.

– А... Кто ж за рулем? – спросил Соловьев и опасливо заозирался по сторонам: судя по всему искал Вериного отца.

– Верочка наша, – ответила Ирина.

– Но...

– Год назад обзавелась правами. После курсов. А водит машину по доверенности. Отец-то у нее, – Осинцев заметил, как, взглянув на подружку, Вера, подобравшись, насторожилась: видимо, боялась, чтобы та не сболтнула лишнего, – опасается садиться за руль, – Осинцев обратил внимание, как Вера облегченно вздохнула и расслабилась. «Ждала явно другого... Чего-то не хотела, чтобы Ирина говорила», – подумал он. – Короче: на самом-то деле, это ее машина... В полном ее распоряжении.

– А ты, Алексей, везунчик, – завистливо заметил Никита. – Сразу и – в дамки. Судя по элитным номерам, машина-то...

– Не мели, – остановил его Алексей. – Мало ли что могут подумать девушки.

– Девочки наши – умницы...

Вера, ехидно улыбнувшись, прервала.

– Ваши? Уже?!

Соловьев не смутился.

– Нет, что ли?

Вера решительно отрезала:

– Нет!

Ирина смягчила ответ и поправила подружку:

– Всего лишь пока.

Подружки обменялись многозначительными взглядами и расхохотались. Алексей, в который уж раз, подумал про себя: «Смеются и смеются... Что тут смешного? Не понимаю...

Легкомыслие». Алексей давно спросил бы, но опасается попасть впросак: может, полагает он, у него напрочь отсутствует чувство юмора. Вон, Никита – юморит, ведет себя естественно, расслабленно.

Соловьев картинно поклонился.

– Благодарю покорно, Иринушка... Ты оставляешь мне надежду.

– Но-но! Не обольщайся очень-то! – откликнулась Ирина, а Соловьев даже глазом не моргнул в ответ на щелчок по носу.

Алексей завидует, как легко общается с девчонками Никита. Он, Алексей, так не может. Знакомы – всего ничего и сразу...

Соловьев опять за свое.

– Девочки наши – умницы и в их хорошенькие головки глупостям вход запрещен. Кстати, почему бы не прокатить нас с шиком по городу, а?

Вера слегка улыbnулась: видимо, предложение более решительного Никиты ей пришлось по вкусу и соответствовало ее настроению.

– Почему нет? Люди – из провинции. В Москве – впервые. Есть смысл в экскурсии. Стоит показать столицу и расширить гостям провинциальный кругозор. Как, Ириш?

– Я, Верунчик, только – за, – не мешкая, отозвалась Ирина, – тем более с такими блестящими провинциалами.

И вот Алексей – на первом сидении, справа от водителя, то есть Веры. Сзади – устроилась другая парочка и, судя по всему, чувствует себя там превосходно. Воркует, будто знакома тысячу лет. Он, Никита, уже (Алексей завистливо поглядывает на парочку в зеркало) за талию держит Ирину. Алексею – не повезло в очередной раз. Нет, он тискать сразу же за талию все равно бы не стал, рановато, однако... Поговорить с девушкой, расспросить об учебе, о музыке (сам-то в этом деле – ни бельмеса, дуб дубом, медведь на ухо наступил; знает лишь названия семи нот да про скрипичный ключ, читал про некоторых музыкантов, дважды перечитал роман Виноградова «Осуждение Паганини», слушал в первый заход Моцарта в филармонии и во второй – седьмую симфонию Шостаковича – и все), не мешало бы разузнать о родных, соответственно, о ее ближайших знакомых. Вокруг (Алексей косит ревнивый глаз) такой-то девчонки явно вьется туча поклонников. Алексей молчит. Понимает: внимание Веры отвлекать нельзя. Вон, какое движение! Зевнешь и сразу поцелуешься с кем-нибудь. Алексею (чего скрывать?) хочется... Нестерпимо хочется... Ну, вот (хотя бы!) ладонью прикоснуться к ее чуть-чуть оголенному коленку (сарафанчик-то короткий), ощутить тепло, кожу. Робеет. Смущен от одной мысли. Опасается получить (в ответ на наглость) по рукам. Вера, судя по всему, – не Ирина. За Верой не заржавеет. Алексей замечает, как Вера иногда скашивает в его сторону глаза и улыбается. Алексею даже кажется, что Вера понимает его нынешние проблемы и даже сочувствует. Взгляд новой знакомой (возможно, ему всего лишь чудится) поощрительный, говорящий: все, мол, у нас еще впереди. И от этого по сердцу течет ручьями истома. Он – пессимист и не верит в лучшее будущее. Но помечтать (хотя бы) ему не может никто запретить. Осинцев уверен, что влюбился. Сразу. С первого взгляда. Оттого и необычайная его робость, болезненное стеснение. Такого с пединституточками никогда не было. Алексей понимает: он – попался, он – в сетях Амура. И конец! Точка. Всё. Он нашел то, что так долго искал. И ничего ему больше не надо. Впрочем... Он, да, нашел. А она как? Тот ли он принц, который нужен этой принцессе? Есть большое сомнение.

Что ж, ему, лейтенанту Осинцеву, предстоят обширные и затяжные бои, причем, на всем протяжении любовного фронта, предстоят сражения за свое счастье, за свою первую и, как он уже себе представляет, вот эту, единственную в мире любовь. Спешит? Это он-то? Никита – другое дело. Еще чуть-чуть и очарует Иринку. Вон, как у той блестят глаза и с лица не сходит улыбка.

Глава 3

Культпоход

Осинцев сидит за старинным письменным столом, уткнувшись носом в роман Толстого «Анна Каренина». Вчера купил, заскочив в огромный книжный магазин на Новом Арбате.

Рядом – тетрадный лист и простенький копеечный карандаш. Привык еще с суворовского: читая, тотчас же записывать особенно понравившиеся мысли литературных героев или самого писателя, мысли, которые трогательны ему, для него близки и понятны, родственны его душевному настроению или мироощущению. Так удобно, – считает он. Прохудилась память, выветрилось из нее, глянул в записи и восстановил.

Соловьев же, утопая в мягком и глубоком кресле, закинув, как он сам выражается, «ходули» одна на другую, наслаждаясь комфортом, смотрит в небесной голубизны потолок. Видно, что погружен в воспоминания. О чем? Не трудно догадаться – о встрече у памятника Пушкину. И главный вопрос, на который пытается ответить: это случайность или рок судьбы? Соловьев не верит в мистику: все участники встречи, по его мнению, искали друг друга, шли навстречу друг другу и нашли все то, что искали. Еще одно реальное подтверждение любимой и затертой до дыр его отцом поговорки: кто ищет, тот всегда найдет.

Соловьев, косясь на склоненного над столом Осинцева, думает: тому сильно повезло, что у него появился столь расторопный товарищ, как он, Соловьев. Если бы не он, Соловьев, то Осинцев ни за какие пироги не подошел бы первым к девчонкам и не стал бы на улице знакомиться; Соловьев убежден, что виной всему – непомерная гордыня Осинцева. Подумав так, тотчас же завистливо вспомнил, как на «педагогических балах» на Осинцеве студентки гроздьями висли. Что находили? Чего в нем такого притягательного? Вот он, Соловьев, другое дело: у него нос так нос, как у греческих богов, острый и длинный, к тому же с симпатичной горбинкой, как опять-таки он сам выражается, настоящий «рубильник»... Не то, что у Осинцева. Да, Осинцев, мускулист и широк в плечах, но зато на лицо – по-мужички простоват: черты отталкивающе грубы, топорны. Проще говоря (Соловьев хмыкает), интеллигентности ни на грош. Конечно, девчонки любят грубую мужицкую силу, но природная интеллигентность, как у него, Соловьева, – тоже не последнее дело. Осинцева бы в хорошую семью, считает Соловьев, – мог бы получиться великолепный парень, ну, просто загляденье.

Осинцев, придвинув поближе к себе старинную настольную лампу с абажуром из зеленого стекла (горничная сказала, что именно в этом номере когда-то останавливался Ромен Роллан, следовательно, сидел за этим же столом и мог пользоваться этой же лампой), читая, шевелит губами: привычка с детства. В суворовском ребята подшучивали над ним, глядя, как он молча шлепает довольно пухлыми губами, или как они выражались, брылами. Осинцев остановился, крутнул головой, хмыкнул и записал на листе фразу, привлекающую его внимание: *«Степан Аркадьевич не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же, как он не выбирал формы шляпы или галстука, и брал те, которые носят».*

Соловьев заметил. Слегка привстав, заглянул через плечо Осинцева и проскользил по фразе, прежде записанной, в самом начале тетрадного листа: *«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».* Легко прочитав (почерк у товарища, отметил он, четкий и аккуратный, как и у него, Соловьева), приснул.

– Чужими мыслями питаешься?

Не отрываясь от книги, которая вновь у него перед глазами, Осинцев пикирует:

– Что делать, если своих недостает?

– Ну-ну, – Соловьев крутит в руке пустой спичечный коробок, оставленный прежними постояльцами номера. – Не читал, что ли?

– Что «не читал»? – переспрашивает Осинцев, слушая товарища в пол-уха.

– Роман этот... В одиннадцатом проходил...

Осинцев хмыкает.

– Ты прав: именно «проходил»... Я в суворовском тоже «проходил»... А стоило изучать... Читал, но как-то так – через пятое на десятое. Дурачком был.

Соловьев смеется.

– Значит, с той поры поумнел?

– Похоже на то, – Осинцев кивнул и тоже усмехнулся. – Читаю и заново открываю Толстого.

Соловьев крутит головой.

– У меня – не получается. После третьего абзаца, а они у Толстого предлинные – в две-три книжных странички, засыпаю.

Осинцев согласно кивает.

– Непростые тексты... Мозговых усилий требуют...

Соловьев спрашивает:

– Не страшно?..

– Не понял?

– Дослушай, – Соловьев, подкалывая, смеется, – и тогда поймешь.

– Ну, слушаю.

– Чего понукаешь? – Соловьев продолжает смеяться. – Я – не лошадь.

Осинцев всерьез относится к словам Соловьева.

– Извини... Дурная привычка. Пытаюсь избавиться, но иногда все равно прорывается.

– Я – пошутил, Лёх. Что ты, в самом деле? Шуток не понимаешь?

Осинцев кивнул.

– Не понимаю... Особенно, когда замечание, по сути, в самую точку. Да, – Осинцев поворачивается в сторону товарища, – ты оставишь меня в покое или нет? Не видишь, занят?

– Вижу... Но скуотища смертная.

– Возьми книгу да почитай.

– Я – не ты: книжные магазины оббегаю стороной.

– Возьми, – Осинцев кивком указывает на край стола, где лежит еще одна книга в бумажном переплете, – мою.

– О чем книга?

– Я еще не читал, однако слышал... О работе разведчиков в прифронтовой полосе. Богомолов написал...

– Такого писателя не знаю.

– Я тоже не знаю... Прочитай и узнаешь.

– Про войну, да?

– Да. Называется «В августе сорок четвертого». Книга вызвала шум. Вроде бы, в книге нестандартные мысли писателя. Короче, критикуют. В Свердловске гонялся за романом, но безуспешно, а в Москве купил свободно.

– Зачем читать, если критикуют?

– Чтобы иметь не навязанное, свое мнение. На пустую книгу так яростно не нападают: смысла никакого нет, чтобы кусаться.

– Умный такой... Не страшно, Лёх?

– Чего «страшно»?

– Что станешь шибко уж умным?

– Нет, Никит. Быть *«шибко уж умным»* не столь опасно, сколько оказаться совершенным тупицей.

– Книжно выражаешься... Результат чтения, да?

– Возможно.

– Не надо, Лёх, умничать.

– Это еще почему?

Соловьев, заложив ладони за голову, потянулся и сладко зевнул.

– Армия не жалуется умников.

– Новость, – Осинцев удивленно покачал головой.

– Какая это «новость», Лёх?

– Никит, с чего ты взял?..

– Вся армия знает... С зарождения.

– Ну, знаешь ли...

– Не притворяйся удивленным, Лёх, не надо. В армии все умничанья сводятся к двум фразам. Первая фраза – *«так точно»*, вторая фраза – *«никак нет»*. Причем, вторую *«умную»* мысль желательно произносить вслух как можно реже, особенно, в разговоре с командиром твоим.

– Чушь! – недовольно воскликнул Осинцев, оторвавшись от чтения книги. – А генерал Карбышев? Ну, тот, который ученый, погибший в концлагере? А Суворов? А Жуков, в конце концов?

– Что Жуков, ну, что?!

– Ничего... Кроме того, что Маршал Победы...

– Хам из хамов твой Жуков. Солдафон. Измывался, говорят, над подчиненными. Хотел бы я посмотреть на смельчака, отважившегося при нем вылезти с собственным мнением.

– Откуда, Никит, у тебя все это, а?

– Читал воспоминания современников Жукова.

Осинцев покачал головой.

– Видимо, мы с тобой разные книжки читаем... Я читал о том, как его любили солдаты. Потому что заботился о них и, по возможности, берег их жизни.

– Ну, да, берег! Клал тысячами, не задумываясь.

– Те, которые *«клали, не задумываясь»*, сражения проигрывали. Жуков же всегда выходил победителем.

– Но какой ценой?!

– Войн без жертв не бывает. Даже Сталин, на что лют был, слушал и слышал аргументы Жукова. Жуков имел всегда собственное мнение и не боялся отстаивать. Чтили Жукова не только соратники, например, маршал Василевский, а и западные военачальники, тот же Эйзенхауэр, допустим, или Монтгомери.

Соловьев готов к отступлению.

– Хорош, Лёх: не хочу спорить...

– Не хочешь, потому что нет аргументов.

– Не поэтому, – Соловьев отступает, не желая при этом терять лицо. – Настроение – не то...

Осинцев рассмеялся и дружески посоветовал:

– Почитай Богомоллова и настроение сразу появится. Ты только попробуй.

– Нет, Лёх: усну я сразу. А спать что-то не хочется. Да, – Соловьев звонко шлепнул себя по лбу, – а ты, случаем, не забыл?

– Что я мог забыть, Никит?

– Ну, как же, Лёх! Ты должен знать святое армейское правило: *война войной, а обед – по расписанию*... Мы же без ужина сегодня остались. Запутешествовались по Москве.

- Не забыл... Но мне что-то не хочется.
 - Толстым, его духовностью напился? Или любовью сыт?
 - Не мели, Никит, попусту. Ну, скажи, какая тут может быть любовь?!
 - Обычная любовь... Любовь с первого взгляда.
 - Ну... несколько часов знакомы... всего-то.
- Соловьев почувствовал в голосе товарища фальшивую ноту. Он громко рассмеялся.
- Кому пудришь мозги? Мне? Своему другу?
- Осинцев хмыкнул.
- Не рано ли записал в друзья?
 - В самый раз... Хотя... Время покажет... Пока, прошу, не перебивай: могу забыть, что хочу сказать.
- Валяй, если так.
 - Прямо скажу: врешь нагло и не краснеешь.
 - Не говори ерунды.
 - Не видел, думаешь, как паялся всю дорогу, глаз не сводил?
 - Хм... Ну... – Осинцев смущен тем, что его, кажется, раскусили. – Я, да, паялся, а ты лапал всюю. Чувствуешь разницу?
- Нет, не чувствую, – Соловьев рассмеялся. Днем – девчонки-хохотушки заливались, а теперь, вечером, он, Соловьев замещает их. – У каждого своя стратегия оболыщения: ты глазками трудишься, я – руками, – Соловьев встал, подошел и повернул голову приятеля в свою сторону. – Нет, ты мне скажи честно: понравилась Верочка? Говори, глядя мне в глаза! Ну?!
- Осинцев все-таки отвел взгляд в сторону и покраснел.
- Ну... Да... Понравилась... Очень... Сильно... Но это...
- Соловьев прервал громким хохотом.
- Только что говорил книжно, красиво, а тут сразу занукал и зааикался. Что с тобой? Зацепила блондиночка, крепенько так зацепила, что ли? Колись, Лёх, ну, колись быстренько!
 - Я сказал: пон-ра-ви-лась! Что еще хочешь услышать, а?
 - Правду, одну только правду и ничего, кроме правды: втюрился, мол, и люблю до безумия.
- Не рановато ли, Никит, а?
 - Лучше рано, чем никогда.
 - Сам-то, – Осинцев фыркнул, – всю дорогу щебетал на ушко своей брюнеточке. А она просто таяла и плыла от твоего щебета.
- Соловьев щелкнул пальцами.
- Скажи, хороша?
 - Не в моем вкусе. Слишком раскрепощенная... Мне такой показалась.
 - Не красива? Это хочешь сказать?
 - Красива, очень красива. Но... У брюнеток характер жестковат: мужиков обычно держат в ежовых рукавицах. Впрочем, тебе – то и надо, чтобы крепко в руках был и особо не вихлялся.
 - Ага! Блондинки – мягче и ласковее, хочешь сказать?
 - Именно так.
 - Не оболыщайся, Лёх, особо насчет блондинок. Так затянут на шее аркан, что взвоешь...
- Послушай меня...
- Слушаю.
 - Блондинки – тоже не подарок... Это верно: стелют они мягонько, да спать бывает потом жестковато. Учти, Лёх.
 - Учту, Никит, – с долей иронии ответил Осинцев и отложил в сторону роман. – Почитать ты, видимо, так и не дашь.
- Соловьев опять потянулся и снова столь же сладко зевнул.

– Кушать, Лёх, хочется.

– В чем проблема? Внизу – ресторан, на этаже, в левом крыле – буфет. Работает, между прочим, до полуночи. Иди.

– Я знаю... Одному что-то не хочется... Если бы в компании, – Соловьев мечтательно прикрыл глаза.

– С брюнеточкой, что ли?

– Было бы великолепно, но, понимаю, несбыточно, поэтому... Соглашусь и на более скромную компанию.

– Не меня ли имеешь в виду?

– Лех, серьезно: давай сходим? Твое присутствие улучшает мое пищеварение. Услужи, Лёх?

Осинцев встал.

– Уломал... Пошагали, Никит...

В буфете – малоллюдно. За столиками всего-то – мужчина и женщина. По всей видимости, иностранцы. Осинцев заметил, как мужчина уплетает телятину. Кусок большой и, судя по всему, сочный. У Осинцева разыгрался аппетит, и потекли слюнки. Женщина пришла, если он не ошибается, не потому, что голодна, а потому, что положено вечером ужинать, поэтому медленно и лениво ковыряется вилкой в салатнике, отбирая лишь самые вкусные компоненты. Когда проходили, женщина запустила в него оценочный взгляд-молнию, отвернувшись, принялась за прежнее, за медлительно-упоительное занятие.

Осинцев взял салат из свежей капусты с зеленым горошком и красным перцем, четыре отварных и ароматных сосиски, порцию кофе в крохотной чашечке и два кусочка подового хлеба.

Соловьев собезьянничал, повторив его заказ. Они выбрали столик у окна, из которого Москва смотрелась, как на ладони. Они сели друг против друга. И принялись за салат. Но тут неожиданно Соловьев вскочил и ушел к буфетной стойке. Вернулся с графинчиком и коньячными рюмочками в руках. Поставил. Налил понемногу.

– Но... Я бы не хотел...

– Молчи, Лёх. Ни слова. Угощаю! Или побрезгуешь?

– Болтун, – проворчал Осинцев и поднял свою рюмку, рассматривая содержимое на свет. – Какой? – спросил он, глазами показывая на графинчик. – Не грузинский?

– Что ты! Что ты! Я даже молдавский «Белый аист» игнорирую. Из отечественных – предпочитаю только армянский, а из импорта – французский. Так что пьем – «Наполеон».

– Ты спятил?! – Осинцев в ужасе округлил глаза.

– А в чем, собственно, дело?

– Какие деньги! Тем более, в буфете, с наценкой. Ужас какой-то... Или у тебя двойные командировочные, или...

– Не бери в голову, Лёх. Один раз живем... Извини за банальность. Давай, Лёх, хлопнем за наших москвичек. Не возражаешь?

– Они того стоят, – усмехнувшись, ответил Осинцев.

– Так вот... «Рыцарь печального образа» пьет за свою Дульцинею Тобосскую!

Осинцев осушил рюмку. Заметив, что Соловьев отпил лишь на треть и поставил рюмку на стол, Осинцев осуждающе напомнил:

– Нарушаешь офицерскую традицию.

– Не понял...

– Первую рюмку положено до дна, тем более, когда за свою даму сердца.

– А! – воскликнул Соловьев. – С удовольствием!

Коньяк выпит. Сосиски умяты (с русской-то горчицей и полено уйдет за милую душу). Офицеры – вяло-расслабленные – возвращаются в номер. Когда проходили мимо стойки дежурной по этажу, их тормознула пожилая женщина.

– Сынки, тут был офицер-порученец... Вам оставил... Настоятельно приказывал передать лично в руки.

Взяв два конверта, вертя их перед собой, Соловьев спросил:

– Странное дело... От кого?.. Не дамы ли сердца подают весточку?

Осинцев отрицательно мотнул головой.

– Не может быть... Верочка не знает, где я остановился.

– А Иришка моя знает!

– Все равно... Офицер не станет разносить по номерам любовные записочки. Скорее всего, что-то от организаторов нашего сбора.

Осинцев – прав. Вскрыв в номере конверты, офицеры увидели коротенькие записки с информацией и билеты в Большой, на «Пиковую даму» в постановке Григоровича.

Соловьев, увидев два билета, причем, в партер, просиял.

– Какие они молодцы!

– Организаторы, что ли?

– А то кто же! Предусмотрительные. Понимают, что молодым офицерам негоже идти в Большой без дам и... Извольте два билета каждому. Хорош сюрприз! Замечательный подарок!

Осинцев, взглянув на дату, помрачнел.

– На завтра... Обидно... Не смогу пригласить Верочку мою...

– Это еще почему?

– Свидание-то назначено лишь на послезавтра. Как она узнает, что планы изменились?

– Чудак ты, Лёха!

– И никакой я не чудак.

– А телефон на что? – Соловьев кивнул на аппарат, стоящий на тумбочке.

– Не знаю ее номера... Не спросил... Посчитал, что будет выглядеть...

– Ну, блин! Ты, Лёх, серьезно или разыгрываешь меня?

– Серьезнее некуда... Обидно... Билет пропадет...

– Во-первых, Лёх, такой билет не может пропасть; у театра с руками оторвут. Во-вторых, – он дотянулся до телефонного аппарата и стал набирать номер, – сейчас все утрясу. Господи, что бы ты без меня делал...

– Ты куда звонишь? В справочную службу?

– Нет... Я звоню Иришке... Ирин, привет!.. Не узнаешь?.. Понятно: поклонников – куча. Можно и заблудиться... да-да-да... Звонят, не уставая... Что?.. Догадываешься?.. Ну, слава Богу!.. Да... Никита... Твоя личная гвардия... Извини, что звоню поздно... Обстоятельства так складываются... Нет, ты ошибаешься: никто не собирается смываться... Даже наоборот... А вот так... Ты рада, что я позвонил? Если нет, то я... А-а-а... Приятно до чёртиков... Да... Разумеется... Сидим и скукой маемся... А ты верь!.. Но-но! Я тебе не «кто-нибудь», ясно?.. Я тебе кто?.. Офицер Советской армии... Между прочим, лучший офицер... Это штатские крысы болтологией занимаются, а мы – нет... Да, и что?.. Мы – элита, честь армии, ее гордость... И что с того?.. Было бы чем хвастаться... Сам себя не похвалишь, кто вспомнит?.. Что за купец, не расхваливающий свой товар?.. Вот именно... Одна?.. С мамой?.. Привет и поклон... Как это «от кого»?.. От будущего зятя, конечно... А мы, уральцы, такие: куем железо, покуда оно горячо... Нельзя, чтобы остыло... Закон физики: ковкость утрачивается... Да... Ну, ладно, Ириш... Я ведь что звоню... Ясно, по делу... Ты подумала, что просто потрепаться захотелось?.. И снова ошибочка... Да... Ириш, приглашаю в Большой... Никто не треплется... Ну, что ты, в самом деле, унижаешь честь и достоинство советского

офицера?.. Я серьезно приглашаю... Завтра... без четверти восемь встречаемся у Большого... При полном параде, ясно?.. Хочу, чтобы моя дама сердца сверкала, выглядела лучше всех... Я уверен: так и будет... Ты затмишь всех... Много комплиментов – не мало... Балет «Пиковая дама»... Кажется, премьера... Постановка Григоровича... Нет, не на балконе... Я бы застрелился от унижения... В партере... Восьмой ряд... А ты думала... Благодаря мне – увидишь... Ну, какие, Ириш, розыгрыши?.. Все очень серьезно: передо мной лежат два билета... Кстати, Ириш... Представляешь, рядом стоит Алёшка и нюнит, как малое дитя... Этот дуралей даже телефончик из своей блондиночки не выцарапал... Сидит и горячими слезами обливается: ах, кричит, как мне теперь предупредить блондиночку... То есть пригласить... Горюет, старый дуралей... Поделом... То ли дело я?.. Ты права: наглость – второе счастье... Ириш, может, Алёшке поможешь, а?.. Ясно, чем: телефончик блондиночки срочно требуется... Ага... Пишу... Так... двести девяносто шесть... так... шестьдесят... так... девяносто девять... Ну, удружила... Ну, выручила, Лёху... Так выручила, что ни в сказке сказать, ни пером описать... Можно сказать, жизнь вторую дала... Ты что?.. Я ему «поцелую»!.. Век будет помнить. Что мое, то мое... А ты как думала?.. Я такой... Покруче Отелло... Молилась ли ты на ночь, Дездемона?.. Да... решительный и отважный... А что?.. Других в Кремль не приглашают... Короче... Говорил бы с тобой, лапонька, до утра, да Лёшка в ухо зудит... Не терпится позвонить своей блондиночке... До встречи у Большого! До завтра!

Соловьев, положив трубку, вышел из-за стола, придвинул Осинцеву бумажку с телефонным номером. И проворчал о том же, усаживаясь в кресле:

– Ну, подумай, что бы ты без меня делал?

Осинцев тут же стал набирать номер. Но в ответ – частые гудки. Значит, номер занят. Продолжает, не уставая, набирать номер. И, наконец-таки, там сняли трубку. Он услышал голос той, которую больше всего и хотел слышать сейчас, – голос Верочки. От радости даже перехватило дыхание. Оправился. Взял себя в руки. Пригласил в Большой, предупредил, что встречаются за пятнадцать минут до балетного спектакля. Осинцеву показалось, что Верочка обрадовалась его звонку, и приглашение с радостью приняла. Верочка попробовала вывести, откуда у него ее номер телефона. Осинцев держится стойко и тайну не выдает. Пусть, считает он, будет небольшая интрига.

Наивный Алёшка! Да его девушка только что разговаривала с подружкой и та ей все уже рассказала.

* * *

...Около одиннадцати спектакль закончился. Осинцев, держа легонько Верочку за локоток, вывел ее из Большого.

Вышел из театра, досадуя. На что? А на то, что и не поговорил. Верочка, это правда, была все время рядом (а как ослепительно выглядела!), однако... Возле вертелась эта парочка – Ирина и Никита. Никита пытался острить, но, как показалось Алексею, пошлово. Впрочем, Ирина хохотала. Значит, ей нравился юмор Никиты.

На площади возле Большого парочки расстались. Наконец-то! Ирина поспешила к станции метро. Сказала, что живет не рядом, где-то на Преображенке. Никита (слава Богу) напросился в провожатые и последовал за Ириной.

Алексей и Вера остались одни. Вера, взглянув на крохотные наручные часики, (сказала, что часы – подарок отца на ее восемнадцатилетие), спросила:

– Что дальше?

Алексей честно признался:

– Не знаю.

– Вот тебе и кавалер! – сказала она и усмехнулась.

– Ты, вроде бы, говорила вчера, что живешь поблизости от «Украины»... Если так, то... Позволь проводить...

Вера, озорничая, спросила:

– А если бы *«не так»*, что тогда? Отказался бы проводить девушку?

Осинцев смущенно опустил глаза.

– Извини, я неудачно выразился.

– Все-таки, – Вера продолжает настаивать, – пошел бы провожать или нет?

– Пошел бы... Долг советского офицера обязывает...

– И сейчас? Тоже лишь *«долг»*? – Вера явно озорничает, цепляясь к словам.

– Не... Не только... И даже не столько... Мне самому очень хочется... А! – он от отчаяния мотнул головой. – Предлагаю пешую прогулку и – все. Перед сном – полезно. И... вечер, гляди, как хорош!

Вере доставляло особое удовольствие смущать провинциала – такого мужественного и настолько нерешительного и слабого перед ней.

По лицу Веры пробежала легкая ухмылка.

– Сразу, – заметила она, – видно, что не москвич.

– Почему?

– Не ориентируешься.

– А... Далекий путь?

– Уж не близок, – лицо Алексея просияло. Вера, заметив и, конечно, догадавшись о причинах, все-таки спросила. – Чему радуешься?

– Еще бы!.. Это даже к лучшему... Поболтаем.

– Тогда, – Вера подхватила офицера под руку, – идем, Алексей.

Они пошли. Они шли и разговаривали без умолку. О чем? Да обо всем, что молодым приходило в голову. Алексея подмывало порасспросить Веру, например, о семье, однако, стесняясь, не желая показаться слишком любопытным, что, по его понятиям, недостойно мужчины, старался вопросов не задавать. Сама же Вера аккуратно тему семьи оставляла в стороне и не касалась. И если бы не крохотные швейцарские часики, которые у нее сейчас на руке, не знал бы он, что у нее есть отец. Что-то, пожалуй, скрывает. Впрочем, это Алексею могло всего лишь показаться.

Зато Вера дала волю своему любопытству. Она – женщина и этим всё сказано. Прошли-то всего несколько кварталов, а она уже знала об Алексее все (он отвечал с радостью и подробно): то, что в Афганистане, выполняя интернациональный воинский долг, погиб его отец; то, что потом, когда учился в суворовском, внезапно занемогла и вскоре умерла его мать, единственный родной человек, и он остался в этом мире один-одинёшенек; о том, что были подружки, но его отношения далеко никогда не заходили, потому что он сам не позволял; то, что он любит читать и перечитывать литературную классику, а вот в серьезной музыке плохо разбирается, Моцарта от Гайдна вряд ли отличит; то, что кое-каким спортом баловался, но любительски, не ради рекордов и медалей, а всего-то во имя общего физического развития.

– А что сейчас читаешь? – спросила Вера. Она-то с первой встречи с ним на «ты», он же, после театра только перешел на «ты» и получилось у него, Вера обратила внимание, все очень естественно, произвольно, так, что, пожалуй, он и сам не заметил.

– Толстого.

– А что именно?

– «Анну Каренину». А на очереди – «В августе сорок четвертого»... Богомолова... В Свердловске много разговоров об этом писателе. Читала?

– Нет. И, к стыду своему, даже не слышала.

– А я... Облазил все магазины в своем городе, но не нашел. Подогрели интерес критики...

– Ругают?

– Еще как! На части рвут... Позавчера забежал в книжный на Калининском проспекте, спросил продавщицу и она тут же выложила мне. Обрадовался такому дефициту. Купил.

– Надо будет почитать...

– А, хочешь, я тебе подарю книгу?

– Нет-нет, спасибо. Сама куплю.

Алексей вздохнул.

– Жаль... Я бы с радостью...

– Сам сказал, что дефицит...

– Ну и что? Для тебя – готов расстаться.

– Боже мой, зачем такие жертвы?

– Издеваешься?

– Ничуть. Я – серьезно. Я знаю, каково расставаться с тем, что так долго искал и, наконец, нашел-таки.

– Ну, если только так...

– Вопрос на засыпку, Алексей. Хочу проверить, внимательно ли читаешь и какова у тебя память?

– Спрашивай, Верочка.

– С чего начинается роман «Анна Каренина»?

– Сюжет первой главы? Ну, это каждый школьник знает.

– Нет-нет, я о другом: процитируй самое первое предложение? Сможешь?

– Пожалуйста.

– Ну-ка...

– Лев Николаевич, – Алексей начал отвечать, как на уроке, перед строгим преподавателем, – написал: *«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»*.

Вера рассмеялась.

– За знание текста произведения – пятёрка. А сейчас проверю грамматику. Ответь мне: есть ли в процитированном тобой предложении какие-либо знаки препинания?

Алексей, задумавшись на пару секунд, вспоминая, ответил:

– Есть. Запятая перед словом «каждая».

– Так. Понятно. Теперь скажи: как пишется слово «по-своему»?

Вера с парнем, конечно, играет, но он-то к переэкзаменовке относится очень серьезно: вон, на высоком лбу даже испарина выступила. Бойся опозориться.

– В слове есть тире между «по» и «своему».

– Не совсем так, конечно, ну, да, ладно: будем считать, что ответ правильный.

– Нет уж, Верочка! Без снисхождений, пожалуйста!

– Если настаиваешь... В слове – не тире, а дефис.

– Какая разница! Пишутся-то одинаково!

– Ошибаешься, Алексей: у тире с обеих сторон всегда должен быть пробел, дефис же с частями слова пишется без пробелов.

– Понял. Запомню... А я не придавал значения.

– Итак, экзамен закончен. Итоговая оценка, за знание литературного произведения и за грамотность – отлично. А ты, Алексей, молодчина: внимательно читаешь.

– Да, память у меня цепкая, – похвастался Алексей и добавил. – Но, на всякий случай, некоторые вещи еще и записываю в тетрадку: когда записываю, то крепче и дольше держится в голове да и можно, если что, освежить память.

Вера начинает смотреть на парня другими глазами. Она покачала головой.

– А ты – умница...

Алексей от похвалы смутился, покраснел и отвел глаза.

– Преувеличиваешь, Верочка.

– А скромность – украшает.

Алексей глубоко вздохнул.

– Я слышал другое: скромность, говорят, прерогатива ограниченных людей; не имея ума, говорят, они кичатся скромностью.

Вера серьезно заметила:

– Не говори...

– Увы, но это, скорее всего, так и есть.

– Нет и еще раз нет, – возразила девушка, а потом спросила. – Как ты относишься к Степану Аркадьевичу Облонскому?

– Обыкновенно: бабник – вот и все. Интересно не это...

– А что?

– То, как в доме отнеслись к его очередной «шалости». Жена – понятно. А другие? У Толстого: хотя Степан Аркадьевич кругом и виноват перед женой, но в доме все были на его стороне, даже самый близкий человек жены, нянюшка.

– Почему, как считаешь? Ведь и сейчас так: если муж сбегал налево, то это обществом воспринимается именно за шалость; если нечто подобное позволит себе жена, то это уже не иначе, как распутство. Почему одному позволительно все, а другому ничего?

– Я, Верочка, если хочешь знать, не одобряю никого: когда изменяет один из супругов, то это подлость; когда изменяют оба, то это уже чистейшей воды гадость.

Вера спросила:

– И ты жене не простишь, если она увлечется кем-либо?

– Ни за что! – с горячностью воскликнул Алексей и даже от отвращения (видимо, представил себе такую картину) брезгливо поморщился.

– А сам? – Вера копает глубоко, хотя это у них всего-то вторая встреча.

– Я? Жене? Изменить?! Никогда!

– Тут я с тобой, пожалуй, не соглашусь... Не все так просто, Алексей... Бывает, что обстоятельства сильнее нас.

– Все равно! Ничто не может служить оправданием измены, ничто!

– Излишне категоричен... Представь, что увлекся другой женщиной...

Алексей впервые позволил себе прервать Веру.

– И «представлять» не хочу!

Вера мягко заметила:

– Прости за повтор: категоричность, знаешь ли, не всегда...

– Есть в жизни то, где никакие компромиссы неуместны и непозволительны.

– Ну, хорошо... Ты гипотетически представь... Как у того же Облонского?.. Куча детей, постаревшая и, естественно, подурневшая жена, а он все еще – молодец молодцом. Перед глазами вертится молоденькая и смазливенькая мордашечка, строящая глазки и крутящая перед носом хвостом. Трудно, согласись, устоять.

– Ничего трудного... Жена есть жена... Первый и единственный человек, таким, сколько бы не прошло лет, какие бы морщины не покрыли ее лицо, и останется для меня навсегда.

Вера продолжает гнуть свое.

– И все-таки: ты не устоял и поддался животному инстинкту...

– Ну... Это будет все!

– А именно?

– Поступлю честно: приду, соберу вещи и уйду. Уважать же себя перестану навсегда – это – в любом случае.

– А если жена простит твою «шалость»?

– Все равно! Жена, даже простив (это ведь всего лишь слова), факт измены не забудет, и с укором будет смотреть в мою сторону. Что угодно, но вечный укор – я не выдержу.

Спустились поздние в это время сумерки. Зажглись фонари, а в небе засияли всей своей чистотой звезды. Очень слабый ветерок, гуляющий в кронах деревьев, мимо которых шли молодые, грустно перешептывался с листвой.

На углу, справа – телефонная будка. Увидев ее, Вера вспомнила про обязанность.

– Извини. На одну минуту, – она побежала к телефону-автомату, порылась в крохотной наплечной сумочке (скорее всего, из крокодиловой кожи), не найдя, обратилась к Алексею, оставшемуся стоять на месте:

– Монеточку не найдешь?

Алексей нашел в кармане несколько пятнадцатикопеечных монет (еще год назад звонок стоил две копейки, а нынче – подавай пятнадцать), подошел к телефону-автомату и протянул монеты. Тут же вернулся на исходную позицию, чтобы не смущать девушку во время телефонного разговора.

Вера вернулась быстро.

– Позвонила домой... Чтобы не волновались... Сказала, что гуляем, идем пешком, что я – не одна, в сопровождении блестящего офицера, а посему нет причин для волнения за мою безопасность.

– Серьезно так думаешь?

– Еще как...

– Любишь, да, родителей? – спросил и спохватился, что вопросом вторгается в святая святых девушки.

– Больше жизни!

– Я, – Алексей отвернулся и голос его дрогнул, – тоже... Любил... Офицером стал... В последнем письме отца, будто предчувствовал, что конец близок, было завещание: если, писал, что-либо с ним случится, то я должен продолжить его дело служения Родине... Поэтому и в суворовское пошел.

– Бедненький, – произнесла Вера и плечом прижалась к нему.

Алексей неожиданно для Веры обиделся.

– Не надо меня жалеть! Судьбу не выбирают: с ней рождаются и умирают.

– Нравится, как умело используешь словарный запас.

Похвала легла парню на душу. Однако, чтобы это не было слишком откровенным, заметил, притворно насупив длинные и густые брови:

– А сама все время цепляешься.

– В шутку же... Ну, захотелось поёрничать. Я же понимала у театра, что, смущаясь, волнуешься, отсюда и нечеткость мыслей... Хотелось, чтобы еще больше засмущался.

– Получаешь удовольствие? Нравится других ставить в неловкое положение?

Вера кивнула.

– Нравится, когда такой блестящий мужчина, как ты, передо мной смущается, краснеет, заикается и беспрестанно опускает вниз свои голубенькие большие глазки.

Комплименты девушки Алексей решил разбавить (уж больно, как он считает, густо) самокритикой.

– Углан...

– Не скажи.

– Деревенщина...

– Глупости.

– Неотесанный...

– Неправда.

Алексею приятно на этот раз было слышать возражения на каждое слово. И он пускает самый весомый аргумент.

– Вот, Никита – другое дело.

– Пустомеля – твой Никита, – в сердцах вырвалось из Веры.

– А девчонки, завидев, млеют.

Вера снова и столь же решительно возразила:

– Не все!

– И тебе... он... не нравится? – спросил он, внимательно глядя девушке в глаза. Увидев, что та отрицательно мотает головой, сказал. – Только не ври, пожалуйста! Стройный, высокий, красивый, воспитанный (на лице прямо написано) в интеллигентной семье не может не нравиться девчонкам.

– Да, пригож... И что с того? Пустышка и ничего более. Лоск-то внешний. Уж он-то не страдает от скромности, потому что скудоумен.

Тут Алексей встал на сторону приятеля.

– Ты – не права. Парень – не дурак. А туповатым и недалеким всего лишь хочет казаться. Так, говорит, проще завоевывать девчонок, которые, по его мнению, шарахаются от умников.

– В любом случае, ты лучше его.

– И чем же?

– Тоньше, глубже, разностороннее.

Алексей галантно раскланялся.

– Благодарю... за предпочтение.

Они стояли на перекрестке, перед светофором, когда Алексей увидел слева, на той стороне улицы лотошницу, собиравшуюся, видимо, домой.

– Постой, пожалуйста, здесь, – сказал он девушке. – Я – мигом.

Он побежал через дорогу.

– Сколько? – запыхавшись, спросил он.

Лотошница не поняла и поэтому ответила вопросом на вопрос:

– Сколько стоят цветы?... Вам – три, пять, семь?

– Все!

– Но тут много.

– Четвертной за все – хватит?

Уставшая за день женщина быстро закивала.

– Да-да... Более, чем.

Алексей положил перед лотошницей купюру, сам взял из ведра, наполненного водой, полураспустившиеся тюльпаны и побежал к Вере.

– Прими! – он протянул девушке охапку.

Вера взяла и прижала к груди.

– Спасибо... Господи, как их много!.. Ты миллионер, да?.. Как ты узнал, что ярко-красные тюльпаны – моя слабость?

– Ну... – Алексей замялся. Он не знал, как, не теряя лица, объяснить. Конечно, это была случайность, но признаваться ему в этом не хотелось. – Сердце подсказало, – счастливо сказал он и смущенно отвернулся. Ему трудно было смотреть на Веру. Потому что ее глаза в эту минуту были какие-то другие, теплее обычного.

После паузы Вера сказала:

– Люблю в мужчинах порывы.

Алексей ревниво подумал: «И сколько же их у тебя было?»

Они шли дальше и весело болтали, не замечая, что прохожих сильно поубавилось, что поток машин изрядно поредел.

Вот и мост через Москва-реку, упирающийся в Кутузовский проспект. Вот и временное обиталище Алексея – гостиница «Украина», на ступенях парадного входа которой в этот поздний час толчется народ.

– Фарцовщики! – пренебрежительно бросила Вера и отвернулась. – Кстати, ты можешь идти отдыхать. Тут уж я одна как-нибудь доберусь. Всего один квартал.

– Гонишь? – спросил Алексей.

– Нет, что ты!

– Тогда – до подъезда.

– Люблю, когда мужчина принимает решения.

Вот они свернули направо, прошли под аркой, во дворе повернули налево и остановились напротив третьего подъезда.

– Я – дома, – Вера подняла глаза вверх. – На кухне – свет. Ждут. Не спят. Смотри, как в открытом окне третьего этажа слегка колышется штора. Мама, прячась за ней, наблюдает за нами. Она всегда так делает. И уверяет, что не ради любопытства.

Алексей спросил:

– И часто тебя провожают мужчины?

– Часто, – ответила Вера и засмеялась. – Неужто ревнуешь? Уже?..

– Такую... Такую замечательную... Можно сказать, настоящую принцессу и не ревновать?!

Вера озорно встряхнула головой и над ней светло-золотистыми длинными волнистыми прядями вверх поднялись и опустились на плечи волосы.

– Ревность – ужасна, – заметила девушка, искоса поглядывая на Алексея. Видимо, ей была интересна его реакция.

– Нет ревности – нет и любви.

Вера, озорно поблескивая в ночи глазами, опять засмеялась.

– Уже и любовь?

– Почему, Верочка, нет?

Вера неожиданно заторопилась.

– Я – пойду, ладно? Завтра тебе позвоню.

– А телефон знаешь?

Девушка кивнула.

– Иришка сказала.

Она хотела было пойти к входной двери подъезда, но Алексей, взяв за руку, остановил.

– Верочка... Я хочу сказать, что... – он притянул Веру к себе, но она быстро отстранилась.

– Уж не поцеловать ли хочешь? – спросила Вера, еще дальше отстраняясь от него.

– Нет-нет, что ты, Верочка! Успокойся! Я хочу сказать... Понимаешь?..

– Извини, пока ничего не понимаю.

– Вчера... На Пушкинской... Сразу, как увидел... Влюбился, короче!

– В кого? Не в Иришку ли? – Вера все прекрасно понимает, но, чтобы скрыть собственное волнение, специально озорничает.

– В тебя! – в отчаянии выкрикнул, будто ему семнадцать лет, Алексей. – И сейчас... И сегодня... Окончательно убедился, что люблю... По-настоящему люблю.

– Эй, ямщик! Не гони лошадей! Нам некуда больше спешить, – пропела Вера своим замечательным контральто и побежала в подъезд.

Алексей растерянно крутил головой. Ему надо было сказать еще что-то, очень-очень важное, но он не знал, что именно. Голова – гудит и совершенно пуста.

Вера уже открыла дверь подъезда. Еще несколько секунд она скроется с его глаз.

– Верочка! – крикнул он вдогонку. – А я?.. Хотя чуть-чуть нравлюсь тебе?.. А?..

– Дурачок! – ответила она и, смеясь, скрылась внутри.

С минуту Алексей стоял, переминаясь с ноги на ногу. Стоял и смотрел на распахнутое окно третьего этажа. Штора по-прежнему волновалась: то ли от свежего ветерка, проникающего на кухню, то ли еще по какой причине.

Глава 4

Воркование

«Ясноглазая лебедушка, здравствуй!

С армейским приветом к тебе издалека – Алексей.

Прости, что так долго не писал. Переталкивали с места на место и постоянства в личной дислокации не имел. Ну... Сама понимаешь: армия – не гражданка, где каждый сам себе голова. И вот... Наконец-то! Кажется, все в порядке: назначен командиром взвода отдельного гвардейского штурмового танкового полка (предлагали штабную должность, но я отказался). Был представлен личному составу: ребята крепкие и молодые. Впрочем, и я ведь тоже еще не стар, не так ли? Шепнули, что взвод – в отстающих по части боевой и политической подготовки. Не отчаиваюсь... Подтянемся и выйдем в передовые... Со временем. В замах у меня – прапорщик Сергиенко. Из старослужащих. Не очень политически подкован, но зато, говорят, ас по технической части. Бывший колхозный тракторист, как он сам говорит, механизатор широкого профиля.

Жду весточки. Очень жду! Черкни хотя бы несколько слов! Обнимаю и... Хотя даже не знаю, имею ли я право на это?..

Приморский край, город Уссурийск, в/ч 6633, Осинцев Алексей Леонидович. 5 августа».

«Москва, 20 августа. Алёшенька, привет! Только что получила и сразу засела за ответ. Я – не ты! Вот!..

Чуть-чуть сердита, а поэтому объявляю дисциплинарное взыскание – три наряда вне очереди. За что? Сам знаешь: неужели не мог с дороги написать? Я было подумала, что забыл, как в ваших кругах говорят, поматросил и бросил на произвол судьбы несчастную москвичку.

Через одиннадцать дней – мой последний каторжный студенческий год начнется. Как обычно, на месяц отправят в колхоз, на уборку овощей. А потом – учеба, последние курсовые, зачеты, экзамены и выход на диплом. Скорее бы! Так всё надоело, ты даже представить себе не можешь! А тут еще ты... Не подаешь вестей...

Напиши: что это за город? И, пожалуйста, подробнее, а иначе последует очередное дисциплинарное взыскание, понял?..»

«...Верочка, я всё понял и смиренно склоняю голову. О городе. Если судить по провинциальным меркам, город вполне даже – полтора-два тысяч жителей. Стоит на реке Раздольная, вроде бы приток Амура (извини, но на местности пока плохо ориентируюсь). Два театра, несколько заводов и совхозов. Исходя из исторической справки, попервости (до 1896 года) это было сельское поселение Никольское, а в тридцатые годы город назывался Ворошилов... После известных событий переименовали в Уссурийск. Почему именно так назвали? Не знаю, но позволю себе предположить, что в честь правого притока Амура, реки Усури.

Верочка, вычислил, что письма идут долго – по полмесяца – неблизкое расстояние разделяет нас. Но страшно хочу верить, что это нам не помешает... Лично я... Не надо лишних слов... Сама увидишь... Короче, скучаю и надеюсь... Как хотелось бы оказаться рядом, обнять, прижать, уткнуться носом в твои замечательные локоны и ими дышать, дышать, дышать... А еще и... Нет, не буду, а то могу получить еще несколько нарядов вне очереди... И за что только?..

Приморский край, город Уссурийск, в/ч 6633, Осинцев Алексей. 7 сентября».

«Москва, 29 сентября.

Вернувшись, твоя колхозница на столе увидела твое, Алёша, письмо. Обрадовавшись, схватила и неаккуратно порвала конверт. Прочитала и, даже не умывшись, пишу ответ.

Хорошо, что скучаешь. Значит, равнодушен. Значит, я для тебя не одна из... Безумно хочу встречи... Мечтаю о таких же прогулках по ночной Москве, как тогда, помнишь? Но между нами тысячи километров и... В общем, что писать о том, что недостижимо!.. Грустно.

Пиши, Алёшенька, чаще. Или звони... Не забыл номер телефона?»

«Привет, светлоокая!

В сентябре звонил. Но никто не ответил. Не могу привыкнуть к разнице во времени. Да и из глупой башки вылетело, что ты на картошке. Вспоминаю твой смущенный взгляд, мягкую полуулыбку, особенно голубые глаза. Помнишь ли, что у меня такие же?..

Взглянула однажды (тогда, на пушкинской) и покорила. Похоже, на всю оставшуюся жизнь. И когда смотришь, будто обволакивает небесным светом. Короче, таял и таю до сих пор. Уж не колдунья ли ты? Нет, тут дело в другом.

В журнале прочитал, что... Не знал, что по цвету глаз можно определить характер человека... Оказывается, Верочка, много чего не знаю.

Принято считать: глаза – зеркало души. Насколько правдиво это утверждение? Настолько, что даже ученые, проведя исследования, нашли подтверждения. У русских, получается, принято считать, что голубоглазым покровительствуют сами небеса. Они – яркие носители благодушия, душевного равновесия (один в один это ты, Верочка!), контактности, но при этом не лишены неких настороженности и фантазерства; не сторонники перемен, им ближе всего стабильность и постоянство... По «этим глазам напротив» по-прежнему скучаю. Приморье, Уссурийск, в/ч 6633, Алёшка. 18 октября».

«Привет, красавица, привет!

Не забыла еще? Я же, не дождавшись очередного письма, вернулся с дежурства и вот... Захотелось пообщаться с тобой. Служба, Верочка, идет нормально, то есть достижений никаких. На полковых учениях мой взвод выступил так себе. Расстроился. Комбат, усач и гуляка, стал успокаивать: ничего, мол, Москва не сразу строилась. Работаю с личным составом, но... Не все пока ладится. Мне так тебя не хватает!

Р. S. Вчера был в театре. Местная труппа поставила спектакль «Бесприданница». Нормально, но не то, что в Свердловске, где я был на подобном спектакле в тамошнем драматическом. Не то актерское мастерство, не то. Наверное, понять можно. Ребята говорят, будто у провинциальных актеров зарплата меньше семидесяти рублей. Ужас какой-то! Не понимаю, как можно жить на такие деньги?..

...Скучаю и жду встречи. Приморье, Уссурийск, в/ч 6633, Алёшка. 25 октября».

«Москва, 8 ноября.

Вчера с отцом сходила на парад. Стою и думаю: вот бы папа справа, а ты – слева, в своей той самой, парадной форме. Блеск! Как бы я была, Алёша, среди таких прекрасных мужчин счастлива!

Да, Алёшенька. Не очень-то... Я про актеров. Приеду и патлы, извини, им повыдираю... Тогда увидишь, какая я добрая. И с комбатом-гулякой не сильно водись. Я тебе никто, но предостеречь, как считает мой отец, не мешает. В дальних гарнизонах, будто бы, офицеры быстро спиваются. Скучаю и... Нет-нет, рано говорить об этом. Времени-то прошло всего ничего. Папа пытается: мол, не влюбилась ли? Стиснув зубы, молчу. И что? Похохатывает только. В январе выхожу на диплом. Не помню, писала ли я тебе, но дипломная работа – исполне-

ние на фортепиано сюит Бетховена. Уже готовлюсь, бренчу по вечерам. Если откровенно, несмотря на то, что теорию сдала на «отлично», великой исполнительницей никогда не буду. Но я и не строю планы. Кому-то надо работать в музыкальных школах и аккомпанировать будущим дарованиям. Тоже нужное дело. А как ты смотришь на это?»

«Привет, голубка! Нет ничего благороднее, чем учить детей, тем более, музыке. Поэтому нет причин огорчаться, Верочка. В штабе полка забросил удочку: как, мол, насчет отпуска? Начштаба рассмеялся в ответ: не успел, говорит, обжиться и уже об отдыхе задумался. Стал объяснять. Вроде, понял. Обещает выхлопотать отпуск на август. Живу надеждой, что прилечу к тебе, Верочка. Ох, и погуляем же!..

А по службе забрезжил свет в конце туннеля: два дня назад на тактических учениях мой взвод в короткий срок выполнил боевую задачу и без потерь овладел высотой условного противника. Экипажи танков на этот раз работали четко. Сергиенко, мой зам, ходит веселый и танкистов похлопывает по спинам. Лично мне командир шестого гвардейского механизированного корпуса, прославившегося еще в битве на Орловско-Курской дуге, генерал-майор Осипов объявил мне благодарность, как он сказал, за умелое руководство подразделением. И даже намекнул, что возможно будет присвоено внеочередное звание, то есть звание очередное, но раньше положенного срока. Хожу и поглядываю на погоны. Как, думаю, буду глядеться с третьей-то звездочкой? Вроде, ничего.

Ловлю себя на мысли: уж не тщеславен ли я? Не хочется, чтобы погоня за званиями и наградами затмила мой взор и превратила в тщеславного эгоиста. Мой отец, я думаю, узнав, что нос задираю, первым бы мне устроил выволочку. Приморье, Уссурийск, в/ч 6633, Алёшка. 8 декабря».

«Шлю, Верочка, короткую весточку вдогонку.

А не прилетишь ли ты ко мне, после защиты диплома? На несколько дней, а? Встречу во Владивостоке. Как моя идея? С Новым Годом поздравлю отдельно, телеграммой. Приморье, Уссурийск, в/ч 6633, Алёшка. 12 декабря».

«Москва, 27 декабря. Горжусь, Алёша, твоими успехами. Ты – молодец! Я в тебя верю. Насчет моего прилета... Не получится... Одна и в такую даль? Кто меня отпустит? Я же без родителей, будучи уже взрослой, дальше Московской окружной не бывала. От отца слышала, что он собирается с инспекторской проверкой в Дальневосточный округ. Могла бы с ним. Но... Не обижайся, Алёша, но вряд ли тебе понравится этот вариант. Потому что, как бы мы ни хотели, а отцовская тень все равно падет на тебя. Неизбежно злые языки начнут злословить. Мне-то по фигу, а вот тебе... Насочиняют столько, что потом не отскрести до конца жизни. Я убеждена, что родителя моего лучше оставить в стороне. Давай, дождемся отпуска и тогда уж... Как писал Александр Куприн, *разлука для любви то же, что ветер для огня: маленькую любовь она тушит, а большую раздувает еще сильнее*. Думаю, Алёша, писатель прав».

«Добрый вечер, Верочка! Чем дальше, тем больше скучаю, тем горячее желание увидеться с тобой. Получила ли новогоднее поздравление?.. Бой кремлевских курантов застал меня в расположении части – на дежурстве. Так что за тебя бокал поднял лишь на другой день.

Ты, наверное, была на балу? И правильно: когда и гулять, как не в молодости.

Мне – тоскливо по вечерам. А тебе? Глупый вопрос: у тебя же защита диплома на носу и поэтому, наверное, особо тосковать нет времени. Плюс не Уссурийск, а Москва, где немало возможностей разогнать-развеять тоску-матушку, если даже она, родимая, и обнаружится в твоём молодом сердечке. Что касается приезда с отцом, ты, как всегда, права на все сто. Рассудила мудро, хотя, понятное дело, мне было бы приятно. Но, ко всему прочему (это про

сплетни я), всех нас командование поставит на уши и вряд ли появится у меня возможность сбежать из расположения части к тебе. Жду часа нашей встречи, считаю дни. Они почему-то вдруг побежали гораздо медленнее, чем прежде, точнее, не бегут, а плетутся еле-еле. Пиши. Жду. И... на что-то надеюсь... Как там подружка? Все еще с Никиткой или уже разбежались? Он прислал недавно письмо, в нем об Иришке – ни слова. Вроде, болтлив, а тут... Устроился, пишет, хорошо: порученцем при каком-то штабном генерале. Кажется, доволен и о большем не мечтает. Хотя и затрепанная фраза, но как тут не написать: каждому своё. Уссурийск, Алёшка. 8 января».

«Москва, 29 января. Дальневосточному ссыльному – привет! Ты, Алёша, далеко, но это ничего не значит: считай, что я всегда рядом, что думаю только о тебе и мечтаю даже не о дипломе, который вот-вот и нарисуеться, а о встрече с тобой.

Вообще-то, встречались несколько раз и урывками, но мне кажется, что знакома с тобой целую вечность. Видела вчера сон. Будто, мы давно женаты и у нас шестеро детей – мал мала меньше. Три двойни подряд принесла. Хожу и не успеваю им сопельки вытирать. В квартире – шум и гам, а я – счастлива. Мне кажется, Алёша, я буду хорошей матерью. В отношении Иришки. По-прежнему хвостом крутит, но и Никитку не отпускает. Похоже, Никитка втюрился. Чуть ли не каждую неделю прилетает к ней: утром появится, а вечером – назад, в Свердловск. По словам Иришки, намекает, что планирует перебраться поближе: отец, дескать, хлопчет о переводе сыночка в штаб Московского военного округа. Отец – шишка и, пожалуй, у него все получится. И жилье вырисовывается. Кооператив, но все равно неплохо. В Москве тяжело с пропиской, но купить кооператив – того труднее. Очереди из желающих огромны. Почему, Алёша, ничего не пишешь о службе? Как, не трет ли спину ранец с маршальским жезлом? Шучу! Обижена: письма твои слишком сухи и комплиментов никаких. Может, зазнойбой обзавелся, а? Если что, то я... Опять шучу. Потому что прав у меня никаких. Хотя бы изредка скучаешь ли?»

«Верочка, голубоглазенькая! Вчера отметил день Советской Армии и Военно-морского Флота.

На офицерском собрании комполка зачитал приказ о присвоении мне звания старшего лейтенанта. Между прочим, досрочно. А к кителю (наконец-то!) прикрепил гвардейский знак. Так что теперь я – гвардии старший лейтенант танковых войск и меня уж на кривой не объедешь. С ребятами вечером это дело обмыли в ресторане. Хорошо посидели. Подполковник Осипов, комбат, речь толкнул. Сказал, что если так дальше служба пойдет, то его, старика, потеснит и заставит уйти в запас. Все посмеялись, а комбат, поправив пышные усы, добавил, что он свое отслужил, что ему пора подумать о гражданке. Мужик он добрый. Часто, конечно, за воротник закладывает, но в остальном – настоящий вояка.

Верочка, зазнойбы, о которой ты пишешь, нет и быть не может. Нет таких, не существует на свете, которая бы сумела вытеснить тебя из моего сердца. Конечно, немало смазливеньких и стройненьких, но ты, Верочка, вне конкуренции. Как вспомню про твои золотистые локоны и взгляд с поволокой, так... Ну, сама же знаешь, какая ты!.. Как Наталья Варлей, комсомолка, спортсменка, красавица! Достаточно только взглянуть на тебя (что со мной и случилось) и можно умирать. Для чего дальше жить, если до тебя нельзя дотронуться?! Права у тебя, Верочка, есть и они невероятно огромны. Алёшка. 24 февраля».

«Здравствуй, Верочка!

Сегодня на утреннем построении комполка зачитал приказ о назначении меня командиром шестой роты (прежний пошел на повышение). Если честно, не заслуживаю (на службе-то

всего семь месяцев), однако... Приказы в армии не обсуждаются, а исполняются. Пришлось снова обмывать. Ничего не поделаешь: традиция. Алёшка. 28 февраля».

«Москва, 15 марта. Привет, служивый! Только настроилась ответить на письмо, а тут вдогонку второе.

Поздравляю! Честно-честно, рада за тебя. Сказала отцу. Хмыкнув, заметил, что парень-то, имея в виду, тебя, Алёша, и в самом деле, мол, башковитый, с прекрасным будущим; тем более, мол, сирота и тылы оголены до предела, опереться не на кого. Я еще больше загордилась, будто ты мне уже муж. А мама, нахмурившись, попросила, чтобы предупредила, чтобы не очень-то увлекался «обмывками», а то, дескать, войдет в привычку; армия, дескать, хороша, но беда в том, что молодые офицеры, особенно служа в дальних гарнизонах, спиваются.

Понимаю, что тебе, Алёша, это не грозит. Ты другой, самостоятельный и целеустремленный; ты сам себя делаешь и это неопределимо. Отец, между прочим, спросил меня: может, перевести поближе к Москве? Ему это ничего не стоит, но я, возмущившись, замахала руками: ни в коем случае, говорю; место службы, говорю, сам выбрал; ему, говорю, начальник училища у себя предлагал остаться, а он... Мало знакомы, но почувствовала, что тебе чьи-либо хлопоты противны, поэтому любые поползновения отца в этом смысле пресекла на корню. Мне кажется, я была права: ты, Алёша, не тепличное растение, а поэтому не страшны тебе ни жара, ни холода, ни хляби небесные, ни суховеи бешеные; ты – настоящий воин-мужчина и тем, пожалуй, все сказано... Гляди, как красиво умею выражаться?»

«Верочка, как я рад! Ты так еще молода и, вроде бы, жизни не знаешь, однако так тонко чувствуешь людей, в частности, меня. Ты – кладёшь мудрости и я тобой восхищаюсь. А ведь мне и, в самом деле, ни чьи хлопоты не нужны. Более того, могут унижить. Верочка, как продвигается дипломная работа? Скоро ли защита? Как бы мне хотелось быть рядом, когда ты будешь играть Бетховена! Конечно, в серьезной музыке мало что смыслу, но, мне кажется, я все равно сердцем бы почувствовал красоту твоего исполнения. Мне кажется, твои ручки плохо играть не могут. Уссурийск, в/ч 6633, Алёшка. 2 апреля».

«Москва, 22 апреля. Уррра, Алёша! Прошла защита диплома. Сбавала, как говорят пацаны, на «хорошо», а мне больше и не надо. Через неделю предстоит сдать еще один госэкзамен – историю СССР – и диплом будет в кармане. Потом – распределение. Проректор по учебной работе предложил мне остаться в Гнесинке, но я отказалась. Нутром почуяла, что без участия родителей тут не обошлось: кто-то из них звонил. Сказала, что сама выберу место работы: или преподавание в школе, или должность музыкального работника в ближайшем детском садике – это будет соответствовать уровню моих способностей. Проректор, удивленно посмотрев в мою сторону, пожал плечами, но ничего не сказал.

Что, Алёша, с твоим отпуском? Как и прежде, планируешь на август? Боже, как трудно ждать!...»

«Верочка, оформлен уже билет на самолет. Прилетаю первого августа. Не знаю, как отнесутся твои родители, но я планирую забрать тебя и укатить на целый месяц в Ялту. Путевка на двоих в один из санаториев Министерства обороны в кармане. Решение мое окончательное и обжалованию не подлежит. Так-то вот... Кто обязан принимать решения? Ну, мужчина, понятно. Шутка! Если ты имеешь другие планы, то сообщи, чтобы я мог скорректировать свои намерения – это уже совершенно серьезно. Жить будем рядом, в одноместных номерах.

Успокой маму и отца. Под моим крылом с их любимой дочерью ничего не случится. Гвардии старший лейтенант танковых войск Осинцев гарантирует полную безопасность. Никто и близко не подойдет – не подпущу. Ну... Разве что я... Другие? Пускай идут лесом. 22 мая».

«Москва, 11 июня. Алёша, неужели это правда?! Как же я счастлива, что разлука близится к концу, что мы целый месяц проведем в Крыму, на море и... одни. Родители, узнав от меня эту новость, поворчали чуть-чуть. Особенно мама. Вы, сказала она, не настолько близки, чтобы... так и сразу; побудьте, сказала, хоть с неделку в Москве, а уж потом... Мамин вариант отвергла, даже не обсуждая. Мама, фыркнув недовольно, ушла на кухню и загремела посудой. Минут через десять вернулась. Спросила: и как, мамуль? Она, вновь фыркнув, но уже помягче, ответила: поезжайте хоть к черту на кулички. Вот, сказала я, это другой разговор. Обняв маму, поцеловала. От поцелуя и совсем мама растаяла. Отец же смотрел на нас и только ухмылялся. Мне так обидно, что ты, Алёша, так рано остался без родителей. Как хорошо, что они есть и всегда рядом... Прости эгоистку!.. Сообщила и Иришке. Ну, не смогла промолчать. Иришка завидует. Ее Никитка ни о чем таком даже не заикается. Сравнение, Алёша, опять в твою пользу. Я летаю, летаю, летаю...»

«Здравствуй, Верочка! Счастлив, что мой вариант принят. Откровенно говоря, боялся, что с твоей стороны или твоих родителей встанет стена... Камень с души упал. Если говорить о Никитке, то у них совсем другая ситуация. Ты сама писала, что они видятся часто, а мы... Как я тогда уехал и все. Хорошо, что переписываемся и воркуем, а то бы... хоть в петлю лезь... Родители... Что делать, если судьба у меня такая? С другой стороны, может, кто-то шлет мне специально испытания... Ну, чтобы прошел мощную закалку и обрел еще большую упругость и стойкость перед жизненными невзгодами. Вовсю собираю чемоданы. Готовлюсь. Алёшка. 26 июня».

«Москва, 10 июля. Алёша, как я счастлива! Не хватает слов, чтобы описать мое состояние. Представь только, что до встречи осталось всего двадцать дней. Всего! И мы встретимся... Мы месяц будем рядом... Один на один... И никто нам будет не нужен... Только ты и я... Пошел к черту весь остальной мир. Я, правда, такая эгоистка... извини... Я такой становлюсь от переполняющего меня счастья... Готова стать и закоренелой эгоисткой, чтобы только счастье никуда не уходило, оставалось до последнего моего дыхания... Так, Алёша, стабильного счастья хочется, так хочется, что неумогу становится».

«Верочка, это мое последнее письмо. И ты не пиши. А зачем, если мы вот-вот и встретимся? Сiju на новеньких чемоданах. Гляжу на календарь и на часы. Передаю командование ротой своему заместителю. Немного тревожно: сверлит голову вопрос, как без меня, мои солдатики? Как бы не подкачали. Утешаю себя: все будет в порядке. Излишне, наверное, тревожусь. Но как иначе? Я же не столько технику оставляю, сколько людей, половина из которых – новички, весенний призыв. До встречи в Москве, Верочка! Будь осторожна: заранее прошу прощения, но задушу в объятиях – ты так и знай. С меня сбудется. Мужик я крепкий, истинный уралец, лапы у меня – о-го-го! Крепче прежнего стали. Про спортзал не забываю. Форму поддерживаю. Две двухпудовые гири выжимаю без перекура десять раз. Зимой на лыжах бегал, хорошее время показывал на десятикилометровой дистанции, лучшее среди офицеров полка. Хвастаюсь? Но плохо, что ли, когда человеку есть чем похвастаться?»

Да, Верочка. Мне номер забронирован рядом с тобой. В гостинице «Украина». Конечно, на одну ночь, но все равно. Имей в виду, что второго августа к обеду должны быть уже в Ялте. Драгоценное наше время надо беречь и не распылять понапрасну. До встречи, Верочка! До совсем-совсем скорой... Все!.. Алёшка. 20 июля».

Глава 5

Откровения

ИЛ-62 трижды заходил на посадку: из-за низкой и плотной облачности. Наконец, командир лайнера нашел-таки просветленное окошечко и благополучно посадил самолет.

В Москве второй день идет моросящий дождь. Алексей, спускаясь вместе с другими пассажирами по трапу, передернул плечами, подумав: «Не слишком-то гостеприимно дальневосточников встречает столица». Некое полуоткрытое транспортное средство доставило пассажиров в зал получения багажа, где он услышал голос диктора: «Пассажир Алексей Леонидович Осинцев, вас ожидают возле выхода из зала прилетов!»

Он подумал: «Кто это?» Тотчас же улыбнулся: «Будто бы не знаю».

С тяжелым кожаным чемоданом вышел из зала и первым увидел нервно вышагивающую Верочку. Она была в джинсах и с зонтом над головой.

– Гражданочка, – опустив чемодан на мокрую асфальтовую дорожку, обратился он, – не меня ли ждете?

– Ой, мамочка! – воскликнула, обернувшись к нему Вера, но осталась растерянно стоять на месте. – Алеша!

Ребячась, Осинцев воскликнул:

– Уррра! – на лице заблуждала глупая улыбка. – Меня с первого раза узнали!

Он шагнул и прижал девушку. С минуту стояли, не шелохнувшись, хотя с Вериного зонта за шиворот ему стекали холодные дождевые струйки. Первой опомнилась Вера.

– Ой, чего стоим! Побежали скорее, а то до нитки промокнешь.

– И куда бежим?

– Что за странный вопрос, товарищ старший лейтенант? К машине, конечно.

– Но, – он взглянул в сторону таксомоторной посадочной площадки, – там огромная очередь. Может, до станции метро на автобусе?

– Вот еще, – девушка тряхнула головой.

– Так... ты на машине?

– Естественно, товарищ старший лейтенант и тут же пошутила. Алексей, ты теперь не в том положении, чтобы в переполненном душном и грязном автобусе тащиться.

Осинцев действительно выглядел глуповато и шутки не понял, поэтому спросил:

– Это еще что за «положение» такое?

– Гвардия!

– А! – улыбнулся он. – Тогда бежим скорее, а то еще несколько минут и гвардия будет похожа на мокрую курицу.

Уже в машине, прежде чем пристегнуть ремень безопасности, Алексей наклонился к сидящей за рулем девушке, легонько коснувшись губами ее щеки, прошептал:

– Спасибо...

Девушка передернула крутыми красивыми плечиками

– Вот еще... Не за что.

– Забота и внимание дорогого стоят.

Трогаясь с места, Вера ревниво заметила:

– Кто поверит, что такой парень останется в Уссурийске без внимания?

Алексей прикоснулся ладонью к ее волосам и ответил тем же:

– А кто поверит, что такая крутая москвичка и плюс необыкновенная красавица скучает в одиночестве? Но я верю и считаю, что невозможное возможно.

Черная «Волга» наконец-то вырвалась на автостраду и набрала скорость.

Девушка сказала:

– Обменялись колкостями и будет. Теперь, Алёша, – помолчим. Я не тот водитель, который может себе позволить разговаривать за рулем. К тому же густой поток встречного транспорта.

Алексей согласно кивнул и, пересиливая себя, замолчал. Да, замолчал, но кто может запретить, не мешая никому, думать? Следовательно, сидит, а голова забита мыслями. Искося поглядывая на девушку, он пытается ответить на вопрос: изменилась ли за год и в какую сторону? Внешне, пожалуй, даже еще больше похорошела. Но некоторая скованность во время встречи ощутима. Год назад девушка была веселее и проще, а сегодня... Ревнивым уколом прозвучал в нем вопрос: «Не появился ли соперник-ухажер?» Тотчас же попытался себя успокоить: «Но встретила его, а могла же... – глядя в боковое окно, качнул головой. – Это ни о чем не говорит: встретила, потому что долг вежливости обязывает и не более того... Встреча получилась какая-то не такая».

Откуда было знать, что девушка думала в эти минуты о том же самом? Конечно, некая угловатость и сдержанность в Алексее и год назад была очевидна. Он – не легкомысленный Никитка, ухажер ее подруги. Таким Алексей и год назад был. Сейчас? Изменился: повзрослел, возмужал и еще больше построжел. Вспоминая первые секунды встречи, Вера думала: «Не такой, как был... Мог бы и обнять ее крепко, и поцеловать. А почему нет? Соскучились же!.. Это я соскучилась, а он?.. Получается, что нет. Такова цена письмам, в которых он... Все так, но если честно, сама-то разве не могла кинуться парню на шею? Могла, но не кинулась, – девушка тяжело вздохнула. – А как хотелось!.. Между нами какой-то барьер, преодолеть который мы так и не смогли... Сможем ли?.. И если так, то стоит ли ехать на юг?»

Слева и справа замелькали московские высотки. Поток транспорта стал еще гуще.

Алексей спросил:

– Прости, а куда мы едем?

– Известно, Алексей: ко мне, то есть к нам... Родители готовятся... ждут... Пора тебе с родителями познакомиться.

– Да? Но я, Вера, так не думаю... Считаю, что рановато... Наше время не пришло.

Вера, на удивление, быстро согласилась.

– Хорошо... Ты – мужчина и за тобой последнее слово. Только... Родители обидятся, особенно отец, который так ждал этой встречи.

– Передай мои извинения. Все-таки длинный перелет... И завтра рано утром – снова на аэродром. Так что проще ночь мне провести в гостиничном номере.

– Хорошо, Алексей.

Показался шпиль высотки, а потом и сама гостиница «Украина», Вера свернула и подъехала к подъезду. Осинцев вышел, взял чемодан. Вера отогнала машину в сторону, чтобы не мешала, заглушила двигатель и также вышла. Подошла к нему, взяла за руку, прислонила голову к его плечу.

– Идем устраиваться на ночёвку.

– Но... Вера, завтра рано вставать... Поезжай... С устройством моим не будет проблем. Да и родителей надо предупредить, что меня не будет. Чтобы не беспокоились.

– Разговорчики в строю! – шутливо прикрикнула Вера. – А насчет родителей... В холле есть телефоны-автоматы, сейчас же позвоню.

На оформление у администратора ушло не больше десяти минут. Поднялись на девятнадцатый этаж, дежурная по этажу, получив на руки направление, выдала ключ от номера.

– Так... – внимательно разглядывая спутницу, сказала дородная женщина с копной ржавых волос. – Предупреждаю: гости – до двадцати одного часа.

Вера густо покраснела. Алексей пояснил:

– Не беспокойтесь, пожалуйста. Девушка лишь на минуту... Она коренная москвичка и ваш номер ей без надобности.

– Обязана была предупредить, – дежурная отвернулась.

– А... простите, номер мой в левом крыле или в правом?

– Правом, – не обернувшись, ответила она.

Вот и номер. Одноместный. Уютный. Алексей подошел к широкому окну, распахнутому настежь, из которого виднелись мост через Москва-реку и здание «СЭВ». Подошла Вера. Закрыла створки.

– Не чувствуешь, Алёша, как тянет прохладой и сыростью? Не хватало, чтобы просквозило, – Алексею почти материнская забота, о которой он стал уже забывать, пришлась по душе, поэтому не стал возражать. – Так... Ставь чемодан на место... Ты проголодался... Идем в гостиничный ресторан.

Осинцев попробовал возразить.

– Перекусить можно и в буфете на этаже.

– Можно, но не нужно. Тебе после такого перелета не перекус нужен, а плотный ужин, с борщом и прочим.

Часа полтора сидели в ресторане. Сидели и разговаривали. Так... Ни о чем... Потому что за этим же столиком сидела японская пара, явно понимающая по-русски.

Вера, дав парню соответствующие инструкции, не поднимаясь на этаж, уехала. Он, помахав в хвост машине, поднялся к себе, напроць забыв про девичьи инструкции, бухнулся в кровать и уснул. Слава Богу, телефон молчал и не помешал проспать до утра.

* * *

Из дневника Веры...

2 августа, понедельник. Прилетели в Сочи без задержки. В отличие от Москвы, юг нас встретил солнечной погодой: сказали, что 35 в тени. Устроившись и пообедав, отправились на пляж. И пробыли там до ужина.

Поднявшись на свой этаж, Алексей проводил меня в мой номер, вошел первым, для чего-то внимательно осмотрел оконные запоры-шпингалеты. Меня разобрал смех. «Не бойся, – сказала я, – никто не украдет. Здесь таких немало». Алексей, хмыкнув, ответил: «Таких здесь нет». Я протянула: «Ну, да». Он ответил: «Не да, а так точно». Потоптавшись с минуту на одном месте, ушел, строго предупредив: «Дверную защелку поворачивай дважды». Я рассмеялась, но ничего не сказала. Могла остановить, но не стала. Впереди полных двадцать восемь дней... Сегодня – хватит: то ли устала, то ли смена климата, то ли еще что-то.

3 августа, вторник. На море – штиль и мы долго катались на катамаране. Алёша, кажется, потихоньку приходит в свое естественное состояние: шутит и говорит, не переставая ни на минуту. Сегодня за голые плечи даже дважды приобнял. Подвиг... Приятен! Хотя... Мог бы и позволить большее. Деликатничает и не форсирует события. Другие парочки, вон, в первый же вечер... Такое вытворяют, что ахнуть можно... То, что беспокоило моих родителей. Вернусь, порасскажу им, пусть вдоволь поахают. Их же дочь – примерная... Как пионерочка, которой не двадцать два, а двенадцать. Кто там от нас потребовал «беречь честь смолоду»?

4 августа, среда. Когда после обеда мы сидели на топчане и глядели на разволновавшееся море, Алёша вдруг заговорил про своих родителей. С чего бы? Повода, вроде, не было. Наверное, по ним тоскует. Только никому этого не показывает. Какая воля у Алёши?! Я слу-

шала и не прерывала. Он должен был выговориться. Когда закончил монолог, я дотянулась до его щеки и, ни слова не говоря, поцеловала. Увидела, как хмарь с его лица будто ветром сдуло. Это моя первая инициатива. Алёша, я думаю, именно это оценил. Потом мы долго-долго бродили, взявшись крепко за руки, вдоль берега на этот раз бурливого моря, накатывающего на берег огромные темно-синие волны, приносящие с собой и устилающие песок длинными водорослями.

...Легко на сердце от... Нет, не от песни, а отчего-то другого.

5 августа, четверг. Сегодня фыркнула на Алёшу. С какой стати? Не знаю: испортилось настроение – и все. Лгу сама себе, дура: знаю я причину. Пришло то, что обычно влечет резкие перепады девичьего настроения, – месячные. Алёша обиделся. Ничего, завтра попрошу прощения. Надеюсь, поймет и... Должен простить глупую девчонку. Ведь он такой добрый... А я? Злюка!

6 августа, пятница. Эти проклятые месячные! Испытываю дискомфорт. Даже в море не войдешь, а поплавать с Алёшей хочется. Терплю, а что делать? Не я первая и не я последняя. Хорошо, что предусмотрительно прихватила... ну эти самые... А то бы вообще... Мне кажется, Алёша, не догадывается и мои отказы от купания принимает за девичьи капризы. Объяснить? Надо бы, да сил нет: стыдно. Хотя, как там в народе? А вот так: что естественно, то безобразно. Чтобы было незаметно, ношу длинные платья.

7 августа, суббота. Впервые Алёша поцеловал... По-настоящему, в губы. Случилось как-то неожиданно для меня и я не успела посопротивляться, то есть помолчать. Лицемерка! Разве я собиралась противиться тому, чего сама хотела? Так хотела, ну, безумно хотела... Причем, если откровенно, давно... Еще в аэропорту, во время встречи. Во время поцелуя я прижалась к нему и задрожала, но Алёша подумал, что мне холодно и прикрыл меня пледом. Чудак! В 35 и холодно?! На юге и в августе?! Таким наивным и непосредственным он мне сильно нравится. Интересно, а будет второй поцелуй?..

8 августа, воскресенье. Море с утра штормит. Алёша (не успела еще подумать) предложил сходить в кино. Согласилась. До ближайшего кинотеатра пять километров. Не поехали на автобусе, а пошли пешком. Не повезло: угодили на ерундовский фильм «Давай поженимся». Все равно довольна: хорошо провели время. Алёша весь сеанс держал мои ладони в своих больших лапищах. Попытался поцеловать (ишь, какая прыть проснулась), но я легонько отстранилась, показав взглядом на зрителей, что сзади. Настаивать не стал. А зря...

9 августа, понедельник. Наконец-то женские проблемные дни позади. Весь день, купаясь в море, хохотала, дразнила парня: то подпускала и разрешала коснуться груди, то сильно хлестала по шаловливой руке. Моя игра нравилась Алёше и он придерживался правил, не надувал губы, получая очередной щелчок.

А когда вышли на берег, я сама поцеловала. Первый раз и по-настоящему. Интуиция подсказывает, что Алёшенька на седьмом небе. Изголодался, бедненький. Я что? Могла бы пуститься во все тяжкие и даже сама хочу, однако. Как говорит мама, надо уметь себя держать в рамках. Вот и держу. Насколько терпения хватит... у Алёшеньки? А посмотрим... И сколько моего терпения хватит? Могу и сорваться. Я не железная... Как и Алёшенька...

10 августа, вторник. Не знаю, но я, кажется, окончательно убедилась, что люблю этого гвардии старшего лейтенанта. Да так, что на все готова. На что именно? Ну... на все – и точка. Звонила домой. Поговорила с мамой. Потом с отцом. Оба за меня волнуются. Они волнуются,

а мне смешно: ну, что может со мной случиться, когда рядом гвардейский офицер, который одним ударом свалит с ног любого? Не смешно, что ли? Наверное, родители все такие. Обидно, что у Алёшеньки давно нет родителей и ему некому позвонить, не от кого выслушать наставления. Вчера, правда, звонил в часть. Спросил, как там его рота? Как я поняла, все благополучно. Правда, двое его солдат три дня назад побывали в самоволке, из весеннего призыва, за что угодили на «губу», теперь отбывают наказание. Новость немного огорчила Алёшеньку, через пять минут пришел в себя – это благодаря мне.

11 августа, среда. Что-то со мной явно происходит: чем дальше, тем больше этот парень мне нравится. Нет-нет, это случилось не сейчас, а год с лишним назад. Раньше боялась себе признаться. Неужели любовь? Или обычный курортный роман, о которых пишут в книгах? Ах, девчонки, причем курорт?! Захватила с собой Алёшенькины письма. Перечитываю перед сном и лишь после этого засыпаю сладко-сладко.

...Сил уже нет крепиться, но пока держусь. Что будет, если?.. Страшно.

12 августа, четверг. После ужина ушли вновь к морю. Вечер уж больно хорош: перед глазами – картина, писанная маслом и кистью великого пейзажиста, то есть природой-матушкой. Устроились, постелив покрывальце, прямо на прибрежном песке. Алёшенька, обняв, притянул к себе. Сидели, и каждый думал о своем. Вот солнце скрылось за небольшой сопкой, и горизонт запылал всеми цветами – от бледно-голубого, затянутого тончайшей молочной пленкой и до ярко-красного, режущего с непривычки глаз. Море затихло и лишь последние еле заметные волны, подкравшись, облизывают берег. Прижавшись плечом еще крепче к Алёшеньке и заглянув в его глаза, я тихо-тихо спросила: «Тебе хорошо?» Он без раздумий ответил, перебирая свободной рукой песок: «Необыкновенно... Со мной этого никогда, Верунчик, не было... Думаю, что я нашел свое счастье и другого мне не надо – ни за что и никогда». Спросила, ехидненько ухмыляясь: «Долго искал?» Он: «Как видишь... До двадцати пяти». Все в том же духе поинтересовалась: «Многих перебрал?» Он: «Для меня более чем, – Алёшенька, кажется не понял, что я шучу, поэтому серьезно продолжил и, естественно, тут не могла не согнать с лица идиотскую ухмылку. – Я, в отличие от других, не увлекался, вел себя сдержанно, не позволял брать верх надо мной эмоциям. В училище, которое (по воле командования) дружило с пединститутом и организовывало совместные мероприятия, например, праздничные балы, редко отвечал на флирт студенток. Ну... Разве что не отказывал в дамском вальсе... Из-за соблюдения этикета, чаще всего. Никитка – другое дело: царил на балах... И вообще: менял партнерш, как перчатки. Победками хвастался, трепался, то есть».

Чисто женское любопытство, которое вперед нас родилось, заставляло вновь и вновь любопытствовать, провоцировать парня на откровенность. Мне было интересно узнать больше о личной жизни, внутреннем мире, глубже проникнуть в душевную сущность, этим самым ответить на собственные вопросы, волновавшие и волнующие сейчас во сто крат больше. Непонятно для самой себя, с какой такой стати вдруг пытаюсь раскрыть мужские тайны? Зачем? Почему раньше, в те редкие встречи с парнями, была абсолютно равнодушна и их мир, – как внутренний, так и внешний – мне был, по большому-то счету до фени? Загадка...

Я: «Неужели, так-таки и ни с кем?» Он: «Почему? Дружил...» Я: «И только?» Он: «Это немало». Я: «Хочешь убедить, что девственник?» Он: «Верунчик, может не надо, а? В моем прошлом нет ничего интересного». Я: «Вот уж нет: откровенничать так откровенничать до конца... Для чего дальше хранить скелеты в шкафу?» Он: «Тебе, Верунчик, вряд ли будет приятно...» Я пошутила: «Ну ж... Соперника, надеюсь, в порыве ревности не укукошил?» Он серьезно ответил: «Слава Богу, обошлось». Я: «А остальное – ерунда, – рассмеявшись, чмокнула парня в шершавую щеку и добавила. – У всех есть свое прошлое, до которого никому нет дела». Какая лгунья! Сама что делала, как не копалась в прошлом? Значит? Мне есть дело...

Да еще какое! Он: «Ну... Были девчонки... Так, несерьезно... Обменивались при прощании поцелуйчиками и на том все. За полгода до выпуска из училища, правда, позволил себе большее... А потом, когда выпустился... На том и сказке конец». Я: «Почему? Отправила тебя в запас?» Он: «Не совсем...» Я: «Это еще как?» Он: «По прибытии в Уссурийск письмо получил. Писала, что скучает и что... Чепуха всякая...» Я: «Ответил?» Он: «Да, однако написал правду...» Я: «Какую?» Он: «Ту, которую полагалось...» Я: «А если поточнее?» Он: «Встретил девушку и я не свободен». Я: «И кто же она?» Он: «Угадай с трех раз, Верунчик, – усмехаясь, произнес он, и легонько прикоснулся губами к моей щеке». На этом мой интерес к прошлому Алёшеньки мгновенно угас. Он рассеял мои сомнения и загасил во мне тревожные огни.

...Была уже ночь. Далеко-далеко появилось нечто огромное, необыкновенно сияющее: это был океанский лайнер, заходящий в порт.

13 августа, пятница. Этот день, по преданиям, не очень удачный. Может, поэтому мы чуть-чуть уже с утра повздорили. Точнее, я закапризничала. Из-за чего?.. Глупости бабы. Алёшенька слушал и молча лишь гладил мои волосы. Все равно дулась на Алёшеньку до обеда. Потом, уже на берегу, пошла первой на примирение. Обнялись, крепко-крепко, страстно-страстно поцеловались. Таким образом заключили вечный и нерушимый мир. Однако в голове все равно вертелся вопрос: «Неужели Алёшенька и с той также целовался?..»

На этом, увы, неприятности не закончились. Часу в седьмом вечера, когда мы лежали на топчанах и наслаждались, вдруг появился некий горячий и пузатый парень с Кавказа. Остановился, глядя на меня и цокая языком, заговорил: «Вах, вах, вах! Какая жемчужинка! Чья ты?» Я грубо ответила: «Во всяком случае, не твоя, урод». Он не отставал: «Зачем грубишь, да?» Я начала нервничать. «Не понял? Пошел отсюда! Тебя только и не хватало тут». «А я, красавица, хотел в ресторан пригласить». «Прежде пузо приberi». Я замолчала, а он продолжал бубнить. Тут Алёшенька, убрав с лица газету, спокойно сказал: «Не ясно дама выразилась? Может, популярнее объяснить?» «Ты кто такой, да? Не с тобой разговариваю, а с красоткой, раскинувшей, да, прелести». «Нет, не понимает мужик русского языка, – Алёшенька медленно встал и подошел к кавказцу. – Гуляй дальше». Кавказец замахнулся, очевидно, намеревался ударить. Алёшенька, перехватив его руку, сильно дернул на себя. Тот распластался на песке, визжа от боли. Алёшенька, нагнувшись над ним, спросил: «Продолжим?» Кавказец, стремительно вскочив, придерживая больную руку, отбежал метров на десять и уже оттуда прокричал: «Мы, да, еще встретимся, русская свинья!» Алёшенька мой, усаживаясь на топчан, рассмеялся и только сказал: «Хорошо, встретимся, но только ты прежде закажи катафалк и поминки по усопшему рабу божьему». Вот так... А родители еще смеют тревожиться за мою безопасность...

14 августа, суббота. Весь день пробыли в круизе по морю. На яхте. Не понимаю одного: как Алёшенька угадывает мои желания? Может, экстрасенс? Проверю.

...Мы стояли плечом к плечу на верхней палубе, когда мимо проплывал огромный теплоход, невольно подумала: «Вот бы в следующий отпуск нам отправиться в круиз по Средиземному морю...» Взглянула в лицо Алёшеньке, но там – никакой реакции. Сделала вывод: увы, не экстрасенс.

Через пару часов нас пригласили на ланч (так здесь все говорят). Спускаясь по ступеням вниз, Алёшенька взял меня за плечи, притянул, чмокнул в щечку (на людях же!) и вдруг сказал: «Верунчик, я планирую в следующий отпуск, купив путевки на двоих, махнуть в международное плавание». Я осторожно спросила: «А... куда именно?» «По Средиземноморью, – после минутной паузы уточнил. – С непременно заходом в тамошние страны. Как, а?» С трудом скрывая удивление, напустив равнодушие, ответила: «Было бы неплохо... Мечтаю побывать

в Греции, Италии... Но... это дорого... – потом шутливо добавила. – И даже для гвардии старшего лейтенанта».

Алёшенька шутку принял (хотя мои остроты не всегда безобидные и я это понимаю), ухмыльнувшись, отреагировал тем же манером: «Верунчик, ты недооцениваешь гвардию... Поверь мне, напрасно...»

15 августа, воскресенье. С утра позвонила отцу. Похвасталась, какой Алёшенька храбрый и сильный: в один момент охладил пыл пристава-кавказца. Отец лишь хмыкнул, и ничего не сказал.

Вечером, укладывая меня, как малое дитя, в постель (это стало его ежедневным ритуалом), покидая мой номер, заметил: «Навел справки, – увидев на моем лице удивление, продолжил. – Есть похожий маршрут... Из Одессы ходит туристический лайнер „Адмирал Нахимов“... Довольно комфортабельный... Для нас предпочтительнее – второе июля». Я заметила: «Но это разгар сезона. Путевки, скорее всего, – нарасхват». «Ничего... Как-нибудь...» Я предложила: «А что, если подключить отца? У него связи и...»

Алёшенька, сдвинув недовольно брови, даже не дослушал: «Верунчик, даже не заикайся... Я – сам... Все сделаю сам. Я не мужик, что ли?..» «Мужик и какой мужик! Но причем тут это?» Еще больше нахмурившись, коротко бросил: «А при том самом! И прошу, Верунчик, этот вопрос больше не поднимать». Я рассмеялась. «Ах, какие строгости!» Он улыбнулся: «Да, я такой... У меня, матушка, – никакого матриархата». «Женщина для тебя бессловесное существо, что ли?» «Смотря какая женщина». «Ну... например, я». «Ты – для меня богиня, а я твой раб... Но тот самый раб, за которым всегда последнее слово». Я вновь позволила себе рассмеяться: «Странно очень, Алёшенька: где ты видел, чтобы раб повелевал той, которая на Олимпе?» «Верно: не видел. Но читал, что история зафиксировала подобное». «Хм... Домострой какой-то...» Он торжествующе подытожил: «Диктатура всегда полезнее, чем разнузданная демократия: порядка куда больше!» Я театрально простерла в его сторону руки: «О, Повелитель, дозвожь богине задать один вопрос!» Он шутливо ответил: «Валяй, матушка... так уж и быть...» «Какова цена вопроса?»

Согнав улыбку, уже серьезно ответил: «Поинтересовался. Учитывая обмен валюты, одна тысяча триста рублей». Поразившись, воскликнула: «Сумма для одного тебя неподъемна... Поэтому примешь меня в долю и...» Он прервал: «Когда рак на горе свистнет». «Однако...» «Богиня! Прекратить разговорчики!» Погрозив пальцем, вышел. Уже засыпая, шутливо подумала:

«Хм... Значит, богиня?.. Ласкает слух...»

Если серьезно, то... Быть богиней для такого мужчины не только приятно, а и лестно... Даже в том случае, когда не за богиней последнее слово.

Признаюсь: люблю отца, но не одобряю его заискивающего отношения к маме. Будто вечно замаливает какие-то грехи. Люблю маму, но отцу не мешает иногда по-генеральски и топнуть ногой. Впрочем, откуда мне знать, как надо и как не надо выстраивать семейные отношения? Сколько людей, столько и, я думаю, правил семейной жизни. И еще: у умного мужчины не может быть домострой дурным.

16 августа, понедельник. Весь день – ливневые дожди. Вечером, несмотря на непогоду, сбегали в кафе. Пару часиков посидели. Посетителей было мало, поэтому ворковать нам никто не мешал.

17 августа, вторник. Во мне океан эмоций. Хочу хоть часть их выплеснуть наружу, но что-то препятствует. Скупа на комплименты... Алёшенька, наверняка, ждет их. Но... А он ведь тоже... Не засыпает с ног до головы комплиментами: выдает, однако в час по чайной

ложке. Странно все это. Может, мы друг друга недостаточно еще любим и... любим ли вообще? Явно нужна консультация опытного психолога. Помню фразу Бальзака (в каком произведении встретилась – забыла): «*Чем больше мы любим, тем меньше мы должны показывать силу нашей страсти*». Может, писатель прав, и наша сдержанность этим объясняется? Писателей, наверное, не напрасно принято считать «инженерами человеческих душ». Но отчего тогда у такого маститого «инженера», каким, несомненно, является Бальзак, столько было проблем во взаимоотношениях с женщинами? Или... сапожник без сапог? Учитель, который призван наставлять других, но не способный сам знания применять в собственной жизни? Учить легче, чем самому следовать собственному учению. Или как любил говорить в далекой древности Катон Старший: «*Велик тот учитель, который исполняет делом, чему учит*». Хорошо, что никто не видит мою ученость, которою блистаю в дневнике, цитируя великих. Алёшенька, узнав, что я такая начитанная, может и отшатнуться. Нет, не отшатнется. Потому что все равно он умнее меня и не менее начитанный, чем я. Доказательство? Да хотя бы то, что у него красный диплом, а у меня обычный. Последнее, кстати, меня не тяготит. Ну, вот ни капельки. Буду рада, если я стану в материнстве отличницей. Это куда ценнее всего остального. Тот, кто со мной не согласен, пусть первым бросит в меня камень. Женщина способна реализоваться в чем-то одном: если начинает распылаться, то из этого ничего хорошего не выходит. Сколько знаю случаев, когда великая актриса, полностью отдав себя творчеству, став звездой, несчастлива в личной жизни и никудышная мать, выстраивая карьеру, часто вообще забывает о главном своем предназначении – предназначении быть продолжательницей рода.

Фу, что-то потянуло меня не туда, в какие-то заумные дебри. И это в то время, когда я должна думать о будущем, о своих отношениях с прекрасным своим рыцарем. С ним, честное слово, повезло. Подарок судьбы, вытянула счастливый билет. Горжусь! По правде-то говоря, в этом моей заслуги нет никакой. Дело случая... Такое бывает. Теперь везением надо мне правильно распорядиться – вот тогда лишь обо мне можно будет сказать, что я – умница.

18 августа, среда. Грустила весь день. Алёшенька, встревожившись, стал расспрашивать. А что я могла сказать, если сама не понимаю причины своей нахлынувшей грусти? Вечером, когда Алёшенька ушел, расплакалась и долго не могла успокоиться. После полуночи только заснула.

19 августа, четверг. С самого утра у меня прекрасное настроение. Правду говорят: утро вечера – мудренее.

Увидев это, Алёшенька, повеселел. Засуетился, весь день старался пылинки с меня сдувать. До ночи купалась в его обожании. Я не справедлива, когда обвиняю Алёшеньку в сухости, в отсутствии страсти. Он страстен, но, как настоящий мужчина, умеет управлять чувствами, а это, насколько мне известно, не по зубам многим.

20 августа, пятница. По-прежнему у меня прекрасное настроение. Когда спустились в холл гостиницы, чтобы пойти в ресторан и позавтракать, подбежала к роялю, подняла крышку и сыграла «Полонез Огинского». Почему это произведение, а не какое-то другое, например, сюиту Моцарта или Брамса? Эх, знать бы ответы на все вопросы! Не заметила, как вокруг собралась толпа. Когда встала со стульчика и закрыла крышку рояля, меня оглушили дружные и долгие аплодисменты. Это был шок. Не знала, что у меня может быть столько благодарных почитателей, среди них самый главный – Алёшенька. Потому что именно он усерднее всех бил в ладоши и счастливо улыбался. В самом деле (даже сама почувствовала), сыграла на одном дыхании, вдохновенно, вложила все, что накопилось в моей душе. Умоляли еще что-нибудь сыграть. Отказала. Понимала, что еще раз так хорошо исполнить не удастся. Подошла к Алё-

шеньке и демонстративно при всех поцеловала. И не в щечку, а в губы. Толпа одобрительно вновь зааплодировала.

По-хозяйски подхватив под руку Алёшеньку, раскрасневшись, героиней пошла в сторону ресторана. Кто-то сзади произнес: «Счастливый муж». Я, подняв глаза, спросила Алёшеньку: «Слышал?» Алёшенька лишь мотнул головой, при этом лицо его выглядело необыкновенно глупо. Я подумала: «Почему все люди, в минуты наивысшего счастья, превращаются в глупцов? – усмехнувшись, добавила. – Судя по Алёшеньке, я гляжусь сейчас ничуть не умнее». Вот так бы всю жизнь! Вряд ли реально. К тому же от бесконечного счастья можно с ума сойти.

21 августа, суббота. После обеда попросила Алёшеньку оставить меня. Объяснила тем, что устала и хочется вздремнуть.

Он спросил: «После шести могу зайти?»

Обняв и прикоснувшись слегка к его губам, воскликнула: «В обязательном порядке!»

22 августа, воскресенье. Вчерашний день для меня особенный...

...Он ушел. Я же проспала... Вздрогнув, проснулась. Взглянула на часы, лежавшие на тумбочке у изголовья: 18. 00. Вскочила и дверную защелку вернула в исходное положение, подумав, что Алёшенька мой мог уже попытаться войти. Не зря же так быстро проснулась. Через минуту он ввалился, нагруженный пакетами. Положив их на стол, стал осторожно разворачивать огромный сверток. Я с любопытством наблюдала. И, конечно, увидела – это были мои любимые ярко-красные тюльпаны. На глаз не могла определить, сколько их, но очевидный факт, что очень много. Я сидела на кровати. Он подошел, встал передо мной на колени. Протянув в мою сторону, смущаясь и краснея, тихо, без всякого пафоса сказал: «Богиня моя! Прими от меня...» Я прижала букет к груди, и он меня полностью скрыл. Мне бы радоваться, но у меня полились отчего-то слезы. Алёшенька растерялся: «Тебе цветы не понравились, да? Скажи и я сбегаю и куплю другие». Продолжая всхлипывать, сказала: «Что ты!.. Спасибо тебе...» «А почему слезы?» Я тихо-тихо прошептала: «Наверное, Алёшенька, от счастья».

Встала. «Пойду в ванную. Мне надо себя привести в порядок, а ты, – я протянула ему букет, – поищи какую-нибудь ёмкость, надо поставить в воду». «Сбегаю к дежурной по этажу, – сказал он, – попрошу дать на время какую-нибудь вазу». «Алёшенька, таких ваз я не встречала». «Да? Ну... тогда что-нибудь другое». Он ушел, а я отправилась в ванную. Пробыла не меньше часа. Выйдя оттуда, изумилась: Алёшенька не терял времени даром. Он, придвинув к кровати стол (сидеть на чем-то надо, потому что в одноместном номере всего один стул), сервировал как мог: по центру стояло, очевидно, ведро, которое, чтобы выглядело получше, обернул в фольгу (и где ее достал?), а в ведре букет. На столе красовались закуски, фрукты и бутылка коньяка. Алёшенька продолжал суетиться, то и дело переставляя с места на место стаканы, тарелки с закусками, перекладывал вилки с ложками.

Присев за стол, спросила: «По какому случаю все это?» «Просто так, моя богиня... – ответил он, – без всякого повода...» Я возразила: «Причина все равно должна быть». Он смущенно отвел глаза. «Надо когда-то хорошо отметить наш отпуск... Как говорят французы, tet-a-tet. Разве не причина для устройства праздника?» «Почти убедил, – рассмеялась я и озорно добавила. – Тогда – наливай!»

Алёшенька, распечатав бутылку, налил в граненые стаканы, а другой тары, увы, под рукой не оказалось. Взяв стакан, спросила: «За что пьем?» «За богиню, которая рядом! За Веру – во всех смыслах!» Чокнувшись, выпили. Закусили. Потом был второй тост и снова выпили. Коньяк хороший, французский.

Сидели и болтали о пустяках. Алёшенька сидел счастливый, я – тоже. Мне захотелось напиться, поэтому попросила налить по третьему разу. Желание мое было исполнено тут же. Наступило расслабление организма. Воля моя куда-то исчезла. Наверное, захмелела, поэтому

первой полезла целоваться, чего никогда не было. Целовались долго, по-настоящему, целовались, не произнося ни слова. Напряглось мое тело и по нему побежала дрожь. Алёшенька, на секунду отстранившись, заботливо спросил: «Тебе холодно?» Я воскликнула:

«Нет, Алёшенька, нет! Это – другое».

И мои разгоряченные губы потянулись к его губам. Я потеряла счет времени. Я забыла обо всем на свете, даже о своих родителях. Я растворилась в нем, в Алёшеньке моем.

...Вот и все. Была девушка, стала полноценной женщиной. Вчерашнее все, как в тумане. Мало что помню. Ну разве что момент, когда он... Ну, я, сгорая в пламени желания, успела прошептать ему в ухо:

«Поосторожнее, любимый... У меня впервые... Ты первый мой мужчина, который...»

Ну, и секундная боль, а дальше я выла от нестерпимого наслаждающего счастья. Я не хотела отпускать Алёшеньку, я все хотела и хотела его. Какой он молодец! И какая выносливость!.. Сегодня вечером, сидя на берегу и обнявшись, я решилась спросить парня, тревожно заглядывая ему в глаза: «Милый, вчера... тебе было хорошо... со мной?» Он счастливо рассмеялся: «Так замечательно, моя богиня, у меня не было никогда и... ни с кем прежде. Мне хорошо сегодня... Хорошо будет и завтра, и все последующие годы – в этом уверен. Я, словно, в раю, а рядом со мной необыкновенная богиня, которую не отдам никому. Никому, понятно!»

Еще раз внимательно взглянув в его глаза, поняла, что он говорит правду. Сегодня, протрезвев и осознав до конца, что у нас произошло, я встревожилась. Отчего? Читала в литературе, что первый сексуальный контакт между мужчиной и женщиной принципиально важен для них, любящих и любимых: если случится половая совместимость между партнерами, то, если верить специалистам, их чувствам ничто не грозит, и жить будут в гармонии. Вот почему я и спросила... Мне почудилось (была же вне себя и про то, что в тот момент чувствовал он, Алёшенька, вылетело из моей пустой головы), неладное...

23 августа, понедельник. Что ж, это неизбежность... Получила первый сексуальный опыт и, кажется, все прошло отлично. Даже в постели между нами абсолютная совместимость. Второй день порхаю. Легко порхаю, как бабочка-однодневка. Счастливая такая... Восторженность не проходит. Мне хочется сделать что-то хорошее всему человечеству – вот такая я щедрая.

Сегодня, пообедав и выходя из ресторана, снова увидела рояль. Подбежала, раскрыла и... Не меньше часа играла с удивительным вдохновением Моцарта. Люди стояли и молча слушали. Я играла для всех, но в первую очередь для того, который, положив руки мне на плечи, стоял за спиной, – для любимого Алёшеньки, для того, кто делает меня такой счастливой.

24 августа, вторник. Неужели любовь к мужчине может быть сильнее, чем даже любовь к родителям?

25 августа, вторник. Все, конечно, хорошо, но... Скоро настанет день, когда должна буду рассказать (сначала маме, а потом любимому папушке) о том, что меня дорогой мой человек сделал счастливой женщиной. Как встретят новость?... Мама, заранее знаю, станет лить слезы, оплакивать потерянную мною невинность. Отец же... Что гадать, если момент истины вот-вот и наступит.

26 августа, среда. Не сожалеет ли Алёшенька о случившемся? Вопрос встает передо мной. Потому что нет повтора. Он не проявляет инициативы, а я... Не могу же первой... Хотя и безумно хочется... Может, я люблю, а он лишь позволяет себя любить? Не исключено. Вот и память услужливо подбрасывает слова Бальзака: «Того, кто больше любит, поработают, и, что еще хуже, рано или поздно бросают». Ужас! Отметаю: кто-кто, но не мой Алёшенька... Он на такое не способен.

27 августа, четверг. Собираю чемоданы. Завтра – на самолет. Улетаем. Всему приходит конец. Жаль расставаться с таким ласковым морем.

Сходила к горничной. В тайне от Алёшеньки. Сказала, что нечаянно испортила постельное белье, поэтому должна возместить ущерб. Горничная промолчала. Выписала квитанцию и я спустилась вниз, где заплатила. Потом получила свежее белье. Вечером мы во второй раз занимались любовью и тут (так мне показалось) страсти бушевали сильнее прежнего. Кстати. Простынку, слишком явное свидетельство утраты невинности, не выбросила, а аккуратно свернула и уложила на дно чемодана... Для отчета...

28 августа, пятница. Прощай, Черное море, и здравствуй, Москва!

Глава 6

Помолвка

В течение всего полета Вера грустно смотрела в иллюминатор и, о чем-то своем думая, молчала.

Алексей не лез с расспросами, в какой-то мере догадываясь о ее душевном состоянии. Ему ведь также было не по себе: вот-вот и они расстанутся; предстоит разлука не на час и не на месяц, а, как минимум, на год.

– Товарищи пассажиры! – послышался голос из динамиков. – Пристегните, пожалуйста, ремни. Наш самолет сейчас совершит посадку в городе-герое Москва.

Легкий толчок и самолет мягко покатился по бетонной полосе.

Вера шумно вздохнула. Алексей спросил:

– Моей богине тревожно было?

Девушка кивнула.

– На земле все же спокойнее, чем в воздухе.

Трап подали не сразу, поэтому минут пять пришлось ждать, сидя в креслах.

Наконец, они ступили на московскую землю, точнее, на твердь аэродромного покрытия. И тотчас же послышался мощный бас:

– С благополучным приземлением, доченька!

Вера вздрогнула, поглядела в ту сторону, откуда услышала знакомый до боли и такой родной для нее голос. Кинулась и обняла отца.

«Боже мой, – замелькало в голове Алексея. – Подумать даже не мог... Что отец Верочки и... Однажды, да, о чем-то таком обмолвилась: отец, дескать, тоже служит... Однако... Попробовал тогда расспросить, а она? Замяла разговор».

– Неужели соскучилась? – иронично спросил Василий Николаевич Горовой, легонько поглаживая по спине дочь.

– А как же! – Вера, отстранившись, спросила. – Почему ты здесь?

– Решил встретить мою ласточку. Не ехать же на автобусе.

Вера, отпустив отца, опомнилась, что все еще не представила героя своего курортного романа.

– Папуль, познакомься, – мой Алексей.

Василий Николаевич первым шагнул в сторону совершенно сбитого с толку парня и протянул руку:

– Здравия желаю, гвардии старший лейтенант, шутливо произнес Горовой.

Обменявшись крепким рукопожатием, Василий Николаевич обернулся к смущенно стоявшей в сторонке дочери.

– Уже твой, доченька? С какого времени?

Дочь опустила глаза.

– Это... оговорка, папуль...

– Однако, как понимаю, оговорка по Фрейду?

– Н-н-навверное, – проямлила дочь.

– Разберемся... позднее... Теперь же, – он протянул широкую ладонь в сторону стоявшего метрах в десяти от трапа сверкающего черным лаком автомобиля, – прошу в машину.

Открыл перед молодежью вторую дверь.

– Но...

Вера юркнула в салон, а Алексей что-то хотел сказать, однако Горовой прервал:

– Отставить, гвардии старший лейтенант!
– Слушаюсь, товарищ генерал-полковник!
– Вот, – Горовой, закрывая за собой переднюю дверь, довольно крикнул, – это уже по-нашему.

– Папуль, но Алёшенька хотел сказать...

– Знаю! – отрубил отец и заулыбался. – Алёшенька, значит? Отлично!.. Рад слышать.

Дочь ничего на это не сказала, а лишь покраснела и опустила глаза вниз.

– Так, ребятки, – потирая широкие ладони и продолжая добродушно улыбаться, сказал отец, – прямо по курсу... домой... Хозяюшка, пожалуй, заждалась, – Алексей хотел объяснить, что у него в гостинице забронирован номер, но ему не дали и рта раскрыть. – Вы, товарищ гвардии старший лейтенант, отныне поступаете в полное мое распоряжение и, слушать мое приказание, – ни на шаг от меня, ясно?

– Так точно, товарищ генерал-полковник!

«М-да, – подумал про себя Алексей, – в этой семье не рассусоливают».

Вывод Алексея оказался скоропалительным: как только грозный генерал, сопровождаемый молодежью, переступил порог своей квартиры, на глазах переродился. Перед вышедшей их встречать хозяйкой стал другим – на удивление добродушным.

– Докладываю, Клашенька, – мягко сказал он, шутливо приставив ладонь к козырьку генеральской фуражки, – поручение исполнил... Доставил обоих в целости и сохранности, – он обернулся, показывая рукой в сторону молодых, добавил. – Принимай сладкую парочку!

Вера вылетела из-за широченной отцовской спины и кинулась к матери, но тотчас же отстранилась.

– Мамочка, познакомься, – Алексей Осинцев...

Клавдия Ивановна улыбнулась, шагнула в сторону Алексея и подала руку.

– Приятно... Рада познакомиться.

Алексей галантно поцеловал протянутую руку, пахнущую домашними пирогами и еще чем-то вкусным.

– О, да вы хорошо воспитаны, молодой человек...

Хозяин по-мальчишечьи коротко хохотнул:

– А ты, Клашенька, как думала? Наша девочка кого попало не выберет.

– Проходите, пожалуйста, располагайтесь, а я, с вашего позволения, – к плите, – она повернулась к мужу. – Васенька, поухаживай.

В голове Алексея никак не укладывалось, как можно называть «Васенькой» генерал-полковника?!

– Как понимаю, ребята, оба в душ с дороги?

– Так точно... Однако... Моя богиня... То есть Верунчик...

Хозяин расхохотался.

– Ну, ребята!.. Вы, я вижу, зря отпускное время не теряли... Так... Оба в ванне... Там всё Клашенькой для вас приготовлено.

Алексей, покраснев, проямлил:

– Ну... это... пусть сначала Вера, а...

Генерал, а в ином чине Алексей хозяина пока представить не мог, пуще прежнего рассмеялся.

– Ха-ха-ха! Ты меня не так понял...

– Простите... А как я должен был понять?

– У нас, сынок, две туалетные комнаты – женская и мужская. Видишь, – он ткнул пальцем в одну из ближайших дверей, – табличку... тебе, значит, сюда.

От слова «сынок» на сердце у Алексея стало хорошо-хорошо, повеяло домашним, давно им забытым.

Через час все сидели в просторной гостиной, за накрытым столом: с одной стороны – хозяева, с другой – молодые. Алексей продолжал смущаться и краснеть, поэтому старался меньше говорить, чтобы не ляпнуть еще чего-нибудь, а больше слушать. Алексею показалось, что больше всех радовалась, суетливо бегая на кухню и обратно, Клавдия Ивановна. Чему именно? Только ли тому, что наконец-то вернулась любимица-доченька, о которой изболелось материнское сердце? Что-то Алексею подсказывало, что он хозяйке понравился. В какой мере? Об этом пока что судить рановато. Алексей с удовольствием ел домашнюю стряпню, запах которой и вкус выветрились из него. Казенная еда, какой бы хорошей не была, все-таки не та, несравнима с домашней.

Трапеза длилась больше двух часов.

– Хорошо, – сказал, вставая из-за стола, хозяин. – Благодарю, Клашенька.

Алексей тоже встал.

– Угощение, Клавдия Ивановна, было царское. Спасибо вам...

Клавдия Ивановна махнула рукой:

– До царского стола нам далеко.

– Клашенька, – поправив сбившуюся прядь начавших сесть ее волос, сказал хозяин, – мы уходим на мужской разговор... в кабинет, а ты... сама знаешь...

– Как не знать, – ответила она и улыбнулась. – Дело привычное.

Уединившись, мужчины устроились в глубоких финского производства креслах. Потом хозяин встал, придвинул низкий из толстого стекла с серебряным ободком столик, прошел к бару, открыл, достал стограммовые стопки из голубого чешского стекла, поставил, вернулся к бару.

– Что будем пить, Алексей?

– Полагаюсь на вас, товарищ генерал.

– Есть «Наполеон»...

– Нельзя ли чего-нибудь попроще?

– Проще? – переспросил хозяин. – Тогда вот... Моя любимая... «Столичная»... Не возражаешь?

– Никак нет, товарищ генерал... Наш, русский напиток...

– Получается, что мы придерживаемся одних вкусов... Хорошее совпадение... Для начала знакомства.

Василий Николаевич отвинтил пробку (подобное новшество появилось недавно и пока что только в Москве), наполнил стопки до краев и опустился в кресло. Вошла, прежде постучавшись, Клавдия Ивановна с подносом в руках, поставив перед мужчинами салатники и тарелки с закусками, вышла.

Хозяин поднял стопку.

– За гостя! – он выпил до дна. – Извини, Алексей, но у офицеров принято: тостующий пьет непременно вот так.

Алексей также в стопке не оставил и капли. Потому что... Ожидая разговора, ему хотелось расслабиться и не чувствовать себя скованно. Это для старшего лейтенанта в обществе генерал-полковника трудно, но он обязан постараться.

Василий Николаевич наполнил стопки.

– Позвольте, товарищ генерал, и мне произнести тост.

– Позволяю, сынок.

– За гостеприимность семьи, с которой имел честь познакомиться!

– Спасибо... – они выпили. – А теперь передохнем чуть-чуть... – хозяин улыбнулся. –

А иначе свалимся под стол, так и не поговорив по душам.

Алексей позволил себе впервые возразить генералу.

– Русских не так-то просто свалить с ног.

– Все так, Алексей, но на здоровую голову и разговор получается здоровым, – Алексей, взяв крохотный бутерброд с черной икрой и сливочным маслом, отправив в рот, согласно кивнул. А Горовой продолжил. – Конечно, мы кое-что о тебе знаем, но всего лишь «кое-что»... Дочурка не из болтливых, поэтому информацию дозирует.... А нам бы хотелось знать больше... У вас что-то завязывается серьезное, если мы не ошибаемся...

Алексей кивнул:

– Не ошибаетесь... Более, чем серьезное... С моей стороны, уж точно...

– Ну так вот... Расскажи поподробнее о себе... Сам понимаешь, одна она у нас и дороже ее у нас никого нет и уже не будет никогда... Конечно, я мечтал еще и о сыне, однако... Не получилось... Бог даст, внук появится и тогда... Да что загадывать... Не стоит... Внимательно слушаю.

Алексей выполнил просьбу. Рассказал в деталях, не скрывая ничего. Собственно, и прятать у него нечего, обычная, как сам он считает, жизнь обычного человека: счастливое раннее детство, когда был любим отцом и матерью, школа, гибель отца в Афганистане, определение в суворовское, преждевременная смерть матери, сиротство, танковое училище, которое закончил с отличием и получил красный диплом...

Парень развел руками.

– Вот, собственно, и все, товарищ генерал.

Горовой поморщился.

– Да ладно... Какой я тебе дома генерал?

– Самый настоящий, – усмехнувшись, заметил Алексей.

– Хм... Называй по имени и отчеству и этого вполне достаточно.

– Слушаюсь, тов... То есть Василий Николаевич.

Горовой тряхнул головой и на лоб упал непокорный, покрывшийся легкой сединой, чубчик. Вернув его на ему положенное место и пригладив для верности ладонью, сказал:

– Судьба, парень у тебя... – Горовой, вздохнув, наполнил «Столичной» заскучавшие было стопки, поднял свою. – Помянем, Алексей, родителей твоих... Выпьем, не чокаясь... Как говорится, пусть земля им будет пухом.

Они выпили, отставили в сторону стопки.

– Родители могут гордиться... – закусывая, продолжил Василий Николаевич. – Ты сделал себя сам и ни перед кем не в долгу... Давно был на могилках?

– Больше года, – ответил Алексей.

– Надо попроведать отца и мать... Грех запускать могилы своих предков.

– Собираюсь, Василий Николаевич.

– Когда?

– Завтра... В Свердловске – плановая посадка и дозаправка самолета... Выйду... отмечусь в военной комендатуре, что... Думаю, проблем не будет.

– Не будет, – подтвердил Горовой.

– Вот... Перерегистрирую проездные документы на следующий день.... Надо еще заглянуть, так сказать, попутно и в суворовское, и в военное училище.

– Правильно... Когда должен быть в части?

– Послезавтра... Успеваю...

– Как служба?

– Нормально... – коротко, стараясь не вдаваться в подробности, ответил Алексей.

Горовой вновь поморщился.

– И что за молодежь нынче?... Девочку попытался как-то порасспросить о том же, а она мне также: нормально и на том поставила точку. Что значит «нормально» – хорошо или плохо?

– Удовлетворительно, Василий Николаевич.

– При оценке «удовлетворительно» раньше срока звания не присваивают.

Алексей усмехнулся:

- Иногда, наверное, и это случается.
- Скажи прямо: с желанием служишь? Не по нужде?
- Я же выполнил посмертную волю отца...
- И что с того? Волю выполнил, а, возможно, сердце все-таки не лежит.
- Что вы?!
- Я – ничего, а ты...

Алексей позволил себе прервать столь грозного собеседника, не по-армейски эмоционально воскликнув:

– Без ума от армии! Это мое и сейчас, после года нахождения в строевой части, не осталось никаких сомнений.

– Тогда – все в порядке. Главное, чтобы чужое место не занимать; служить, а не делать вид, что служишь.

Алексей кивнул:

- Понимаю, поэтому стараюсь...
- Месяца полтора назад дочурка как-то так, невразумительно намекнула и про повышение по должности.
- Есть такое... Назначен командиром роты в том же полку.
- Вот тебе на! Это уже не «удовлетворительно», а «отлично»... Служишь-то по-настоящему всего-то год и... За что заслуги?

Алексей стыдливо опустил глаза.

– Думаю, что аванс, вроде как долг, и его обязан еще отработать... Придется доказывать, что не зря, что командование во мне не ошиблось.

Горовой недовольно хмыкнул.

– Скромность – украшение офицера, но не до бесконечности. Себя тоже надо уметь ценить...

- Ценю, Василий Николаевич, но не переоцениваю.
- Не финти, понял? Жду подробности... Или это секрет государственной важности? – он громко рассмеялся. – Уж не твоих ли рук очередной военный переворот в Коста-Рики?
- Никак нет, Василий Николаевич.

Ироничный подкол Алексей понял и оценил. Он с каждой минутой общения все больше расслаблялся, чувствовал себя раскованнее и раскованнее, чему бесконечно удивлялся. Еще вчера представить себе не мог, что будет сидеть tet-a-tet и за одним столом с генерал-полковником, пить водку и свободно общаться обо всем на свете.

– В таком случае, какая проблема?

– Короче говоря...

Горовой прервал:

- Не «короче», а во всех подробностях.
- Слушаюсь... Были корпусные тактические учения... Перед моим взводом стояла задача: проявив смекалку, без потерь личного состава и боевой техники, выбить с высоты условного противника и закрепиться... Ну... Приказ взвод успешно выполнил. Вот и все. Наверное, за это и... Комполка так и сказал перед строем: за умелое руководство подразделением...

Горовой, восхищаясь, озорно щелкнул пальцами:

- Все идет к тому, что из тебя, Алексей, со временем получится неплохой вояка. Налицо – задатки. Порадовал меня, по-настоящему порадовал.
- Хотелось бы... – заметил, вновь потупившись, Алексей.
- Все в твоих руках...
- А также, Василий Николаевич, в руках судьбы, – уточнил парень.

– Судьба, сынок, вещь такая: слабаков ломает, а сильных духов, смело идущих к наметенной цели, лишь закаляет. Такие вот дела... Я слишком хорошо знаю молодые армейские кадры... То, что происходит в обществе, отрицательно влияет на их качество. Увы, но вынужден признать. Офицерство утрачивает былую славу. Многочисленные анекдоты и байки на эту тему – лишнее доказательство.

Алексей кивнул:

– Приходится слышать.... Обидно...

– А мне не обидно, мне, человеку, отвечающему за кадровую политику?.. – Алексею хотелось спросить, в качестве кого «отвечает за кадровую политику» и где конкретно, но не посмел. – К сожалению, даже мне не все в этом по силам. Учебные заведения клепают офицеров, а толку? Многие, получив дипломы, тотчас же смываются, оставляют ряды вооруженных сил. А остаются? По большей части, неудачники, для которых нет места на гражданке. Отсюда и байки... Например, такая...

Горовой стал – сочно и смачно – рассказывать...

...Из округа в дивизию пожаловали социологи. Пожаловали, чтобы исследовать морально-психологическое состояние военнослужащих, в частности, офицерского состава.

«Полковник Сердюченко, командир части, презрительно скривился, но промолчал: чтобы не накликать на седую голову очередную беду, отказался от идеи выразить своё «фэ». Однако замполиту строго-настроено наказал: «Ты мне тут ворон не лови – бди, понял?»

Подполковник Сироткин приказание принял к неуклонному исполнению. Исполняя, решил для себя, что в данном случае лучше перебдеть, чем недобдеть.

Социологи среди офицерства распространили некие анонимные опросные листы, а после заполнения собрались было покинуть пределы части, но Сироткин был начеку.

«Э, нет, – по-отечески ласково сказал он, – вы не в колхозе имени Буденного, а в строевом воинском подразделении, а посему, голубки мои, дозвоьте лично мне одним глазом глянуть в опросные листы. Мало ли чего мужички сдуру могли накарять».

Социологи согласились отсрочить убытие на пару часов.

– Подполковник Сироткин, – ухмыляясь, продолжает рассказ Василий Николаевич, – сидит и шуршит опросными листами, сидит и вслух комментирует: «Так... Отлично... Головастый... Умно отвечает... А этот... себе на уме... Вон, как заковыристо ответил: ни нам, ни вам... Философически... Не зря мужика учили... Далеко пойдет... Высоко взлетит...» Второй час пошел. Почти сотня опросных листов Сироткин благополучно переместил из стопки слева в стопку справа. И тут его острый глаз уперся в нечто.

«Это еще что за хрень? – он обратился к началу опросного листа, чтобы найти ответ на свой собственный вопрос, но там, к его несказанному удивлению, – ничего. – Эй, вы там, – в сердцах крикнул он, – охламончики! – пулей влетел один из них, ну, то есть один из помощников его. – Графолога сюда! – прибыл графолог. – Кто? – спросил он и ткнул жирным пальцем-обрубком в опросный лист. – Сколько минут потребуется?» «А нисколько, товарищ подполковник. Из вновь прибывших. Не успел забыть». «Сосунок, значит?» «Так точно». «М-да, – Сироткин недовольно качнул головой. – Беда с молодыми... Зелень... И кто же этот убудок?» «Лейтенант Гаврилович». «Сюда, этого подонка, не медля!»

Вот и Гаврилович. Стоит, а поджилки трясутся. Впервые перед Сироткиным и не знает еще, чем все может закончиться. Сироткин тычет пальцем-обрубком в бумагу: «Ты?!» «Я, товарищ подполковник!» «Ты что написал, а?!» «Ответил, как на духу, товарищ подполковник... Как есть...» Заместитель командира дивизии нервно бросает в его сторону опросный лист: «Читай вслух!» «Ваше социальное...» «Да, не это, дурак! Ниже!» «Сколькими языками владеете? – читает Гаврилович. – Я честно... не соврал». Подполковник заёрзал на стуле. «Ну? И что ты ответил? Читай так, как написал». «Я написал: тремя. А потом расшифровал, какими именно». «И какими же?» «В совершенстве владею русским, командирским и матер-

ным». Сироткин бросает в его сторону ручку: «Зачеркни, олух, и сверху напиши, как надо, правильно... Диктую: в совершенстве владею двумя языками, а именно – русским и командирским».

Гаврилович исполнил приказание. «Но, товарищ подполковник...»

«Молчать, сосунок! – рявкает Сироткин, вскакивает и топает ногой. – Пора бы знать, что командирский и матерный – это один и тот же язык, – подполковник садится. – Свободен! – Гаврилович уходит, а Сироткин в след ему ворчит. – И чему в этих училищах учат? Вот раньше... Нет, нынешних учить – деньги на ветер».

Закончив рассказывать, Горовой недовольно покрутил головой.

– Дураков, извини, в армии много – должен признать. Причем, замечу, становится больше и больше. Следовательно, Алексей, командование обязано к таким, как ты, относиться особенно бережно, чтобы нам не остаться с одними тупицами.

– Василий Николаевич, в нашей части много хороших офицеров...

Горовой рассмеялся.

– Значит, Алексей, тебе здорово повезло со службой.

– Сам выбрал.

– Тем более... Ладно... По части армии мы всё выяснили... Как говорится, порядок в танковых войсках... А вот дела личные еще не прояснили... Ну, там планы, цели, стратегические и тактические задачи... И прочее. Как считаешь?

– Что, если конкретно, вас интересует?

– О, Алексей, многое. Прости, но я, повторяю, отец, а потому обязан знать все определенно... Ты уже не ребенок и не юнец, а мужчина, который видит перспективы... Я в смысле семейной жизни... Девочек нынче много, а ты жених видный. Быстро приберут к рукам. Не успеешь и опомниться. Что скажешь? Хочу знать, что думаешь по этому случаю?

Вопрос ожидаем. Вопрос неизбежен и он должен был всплыть в их мужском разговоре – это Алексей прекрасно понимал. Но, с другой стороны, он не готов к чему-либо определенному и считал пока преждевременным делиться планами; ему не хотелось выглядеть болтуном, который, не обдумав, сразу ляпает, а потом отказывается от произнесенного когда-то, идет на попятную. Серьезный мужчина тем и отличается от легковесного вертопраха, что готов всегда нести полную ответственность как за сказанные слова и данные обещания, так и за практические действия. Алексей считает: мало того, чтобы спешно выразить благородные свои устремления; важнее не забывать напроць об их осуществлении. Романтичность для женщины первична, а для мужчины вторична; мозговая деятельность, здравомыслие – вот что первично для сильного пола. Не мужчина, а дурак, если искренен в своих чувствах и не способен скрыть эту искренность. Хотите поумнеть? Тогда срочно научитесь прятать природную искренность за лоском вежливости.

После паузы, в течение которой промелькнули все эти мысли, Алексей заговорил:

– Если честно, Василий Николаевич, не думал всерьез об этом... Наверное, рано... Еще не так тверда почва под ногами, чтобы брать на себя ответственность за другого человека...

– То есть? Отвечать за роту солдат – это не рано, а за семью...

– Не сопоставимое... Молод еще... Нет своего угла... Денежное содержание не то, чтобы... Как только почувствую себя готовым, так сразу... Также про глубину чувств не должен забывать, то есть про любовь... А иметь всего лишь гарантированную постель – не мое. Женюсь, но только на любимой.

– Так-так-так... Если правильно понял, на твоем горизонте нет подходящей кандидатуры... Иначе говоря, не встретил на своем пути любовь.

– Не совсем...

Горовой нахмурился.

– Не понимаю... Сделай одолжение, объясни.

Алексей покраснел: не хочет, но ему придется приоткрыть душу, впустить внутрь пока еще чужого человека. Чревато, но что делать?

– Если вы настаиваете...

– Именно: настаиваю.

– Говоря вашими словами, Василий Николаевич, подходящая кандидатура появилась, даже более чем подходящая, но...

Горовой догадывается, кого Алексей имеет в виду, однако не понимает, в чем проблема, поэтому спросил:

– Что еще за «но»?

– Не уверен, что любовь...

– С твоей стороны или?..

– С той стороны... Я-то люблю и еще как люблю! А вот... Кто я такой? Без роду и племени...

– Кто тебе дал право так говорить о родителях? – возмущившись, сердито спросил Горовой. – Как я понял, ими должен гордиться... Вон, отец твой, голову положил...

– Не в этом смысле я...

– А в каком же, молодой человек? – ядовито усмехаясь, с откровенным сарказмом спросил Горовой.

– Я – из простых, а она... Понимая, полюбил и... Любовь, как какая-нибудь хворь, настигла, навалилась внезапно, поэтому и избавление от нее, выздоровление (предвижу) пойдет мучительно долго, с болями и страданиями.

– Господи! – воскликнул Горовой. – Что за чушь несешь? Как возможно, не успев насладиться этим чувством, проверить временем, уже говорить о каких-то там «хворях» и «избавлениях»?

– Василий Николаевич... я запутался.

Горовой недовольно замотал головой:

– Не пристало гвардии старшему лейтенанту выглядеть великим путаником. Давай распутывай...

– Да, но вот...

– Ходишь, сынок, вокруг да около, но я спрошу тебя прямо и ответь честно: намекая на некую любовь, кого имеешь в виду?

– Замечательную девушку...

– Ответ не принимается: назови, кто она?! Не та ли, которую недавно назвал «моей» и «богиней»?

– Д-д-да, – с трудом выдавил Алексей.

– Но, молодой человек, я тогда понял так, что имелась в виду моя дочь... Это правда или я ошибся?

– Вы... не ошиблись, Василий Николаевич.

Горовой покачал головой.

– Ну и дела...

– Прошу у вас прощения...

– За что, Алёша?

– Что вот так получилось...

– Получается: тормозит неуверенность, что тебя любят?

– Так точно.

– Искренне считаешь, что тебя не за что любить такой девушке, как моя дочь?

– Так точно.

– Парень, ты не здоров... Очевидно, перегрелся на южном солнце.

– Нет, я здоров...

– Как бы не так! Мелешь, извини, всякую хрень.

– Откуда вам знать?

– Оттуда, парень: свою девочку знаю, как свои пять пальцев... Давно чувствую, что, как говорили в старину, девка по тебе сохнет.

– Возможно, но не уверен, что по мне... Она – красавица, а я таежный медведь.

Горовой в который раз громко расхохотался.

– Ты и комплексуешь? Такого, как ты, «медведя», каждой бы девчонке. Верунька моя – девчонка самостоятельная, возможно, излишне суха и сдержанна, к тому же, чего не могу отнять, горда, но... В женской красоте скрывается великая сила, но без гордости она не имеет смысла, потому что становится уж слишком доступной.

– Согласен... Но все равно не уверен...

– А ты мою девочку об этом спрашивал?

– Нет.

– Давай спросим... Прямо вот сейчас... А?... Я позову и... Не против? – Алексей промолчал. – Понял... Иду за дочерью... Чего откладывать и оставаться дальше в неведении? Сейчас все и выясним. Интуиция мне подсказывает, что... Нет, не будем забегать вперед.

Горовой встал, открыл плотно закрытую дверь кабинета и крикнул:

– Сюда, Верунька! Мужчины тебя хотят видеть.

Вышла хозяйка.

– Что случилось?

– Клаша, ты – потом-потом.

Хозяин вернулся в кресло и откинулся на спинку, сложив на груди руки. Вошла дочь, остановилась, оглядела стол, потом мужчин, стараясь по их лицам догадаться, для чего ее позвали. Потом прошла к отцу и прижалась, обвинив шею своими красивыми ручками.

– Что, папуль?

Отец, чуть-чуть отстранив от себя дочь, стал смотреть ей в лицо.

– Алексей, вот тут, сильно сомневается... насчет тебя... Он мне признался, – парень опустил глаза в стол, – что влюбился в тебя и теперь места себе не находит...

– Да? Я что-то всего этого не заметила, – покрывшись румянцем и посмотрев в сторону парня, – сказала она.

Не поднимая глаз, Алексей тихо сказал:

– Это, моя богиня, абсолютная правда.

– Странно: мне ни слова, а отцу...

– Ты и так знаешь.

– Откуда?

Горовой решил дело довести до конца и окончательно прояснить ситуацию.

– Короче, доченька: Алексей тебя любит, а ты его?

Вера приникла к отцовскому уху и что-то горячо прошептала, а потом из глаз ее закапали на щеку отца крупные слезы.

Отец притянул дочь, крепко прижал.

– Чего плачешь, дурочка? Радоваться надо, а ты... Алёша, видишь ли, сомневается, поэтому прошу повторить вслух все, что ты прошептала мне.

– Люблю...

– Нет-нет, давай все, что мне сказала.

Вера, по-прежнему смущаясь, подняла мокрые от слез глаза и, глядя на парня, повторила:

– Алёшенька, я сильно-сильно люблю... Буду всегда любить!

У парня онемел язык, поэтому промолчал, хотя грудь разрывало бесконечное счастье и рвались наружу слова благодарности. Ему также очень хотелось заплакать, но разве имел он, мужчина, на это право?

Горовому все ясно.

– Итак, вижу двух любимых и любящих молодых людей. Верунька, ты можешь быть свободна...

Алексей вскочил с места.

– Ни в коем случае!

Горовой поднял на него глаза.

– То есть?

– Хочу сказать... Очень серьезное и важное.

Горовой побледнел и еле слышно спросил.

– Не хочешь ли сделать моей красавице предложение руки и сердца?

– Да!.. Конечно!.. Сейчас же!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.